

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И РИСКИ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

А. С. Ходунов

В данной статье рассматриваются межнациональные отношения в странах бывшей Югославии в XX – начале XXI в. Этот период был для местных народов чрезвычайно сложным и неоднозначным: десятилетия быстрого и успешного развития сочетались с кровопролитными конфликтами с колоссальными человеческими жертвами. После распада Югославии в регионе сохраняется весьма серьезная межнациональная напряженность, между народами имеется очень большое количество значительных противоречий, внешним проявлением которых является стремление этих близкородственных народов всячески преувеличить свои этнические и языковые различия. Общей угрозой для славянских народов бывшей Югославии является очень быстрая убыль населения, прежде всего молодого возраста. Поэтому они должны постараться смягчить противоречия и совместными усилиями бороться против этой главной опасности.

Введение

С точки зрения социально-политической нестабильности и межнациональных конфликтов XX век в истории стран бывшей Югославии, которая отличалась весьма пестрым национальным составом (Рис. 1), можно в первом приближении разделить на две примерно равные части: до 1945 г. и после него. Период до 1945 г. был исключительно нестабильным: тогда на рассматриваемой территории

* Выражаю благодарность П. В. Корольковой (Отдел истории и культуры славянских народов Института славяноведения РАН; кафедра славистики и центральноевропейских исследований ИФИ РГГУ) и А. В. Коротяеву (Лаборатория мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ; кафедра современного Востока РГГУ) за предоставленные ценные консультации.

произошли две Балканские войны, а вслед за ними Первая и Вторая мировые войны, сопровождавшиеся здесь полномасштабной иностранной (главным образом немецкой) интервенцией, которые были чрезвычайно кровопролитными даже по европейским меркам, вызвав гигантские людские потери и огромный экономический ущерб. Период после 1945 г. в целом был гораздо более стабильным. После окончания Второй мировой войны Югославия почти полвека, до 1991 г., относительно хорошо развивалась в условиях прочного мира и стабильности, однако в 1990-х гг. она снова оказалась охваченной серией кровопролитных гражданских войн с большими человеческими жертвами и снова подверглась иностранной (на этот раз американской) агрессии. Хотя надо отметить, что масштабы военных действий, площадь охваченной войной территории и людские потери в 1990-х гг. были все же значительно меньшими, чем в мировых войнах. Поэтому подавляющая часть людских потерь для бывшей Югославии в XX в. приходится именно на период до 1945 г. (Ходунов 2016: 328–330). Во всех этих войнах очень ярко проявилась межнациональная вражда между радикально настроенными представителями местных народов, сопровождавшаяся весьма значительными жертвами среди гражданского населения. В период социалистической Югославии межнациональные противоречия удалось во многом сгладить и народы значительно сблизилась между собой, однако после 1991 г. эти противоречия снова резко обострились и остаются крайне острыми до сегодняшнего дня, и потенциал возникновения вооруженных конфликтов в настоящее время весьма высок.

Особо серьезную проблему представляет стремление заметной части албанцев отделиться от славянских государств и создать «Великую Албанию», что уже привело к трем кровопролитным конфликтам в 1999–2001 гг. (Филимонова 2012). На наш взгляд, эта угроза настолько масштабна и значительна (из-за продолжающегося интенсивного демографического роста албанцев, бегства нескольких сотен тысяч человек в результате действий албанских вооруженных группировок, а также разгула организованной преступности, включая наркотрафик, и политики попустительства радикальным албанским политическим факторам, которую проводят правительства славянских стран), что албаноязычные районы Балкан следует признать самой главной зоной нестабильности в Европе.

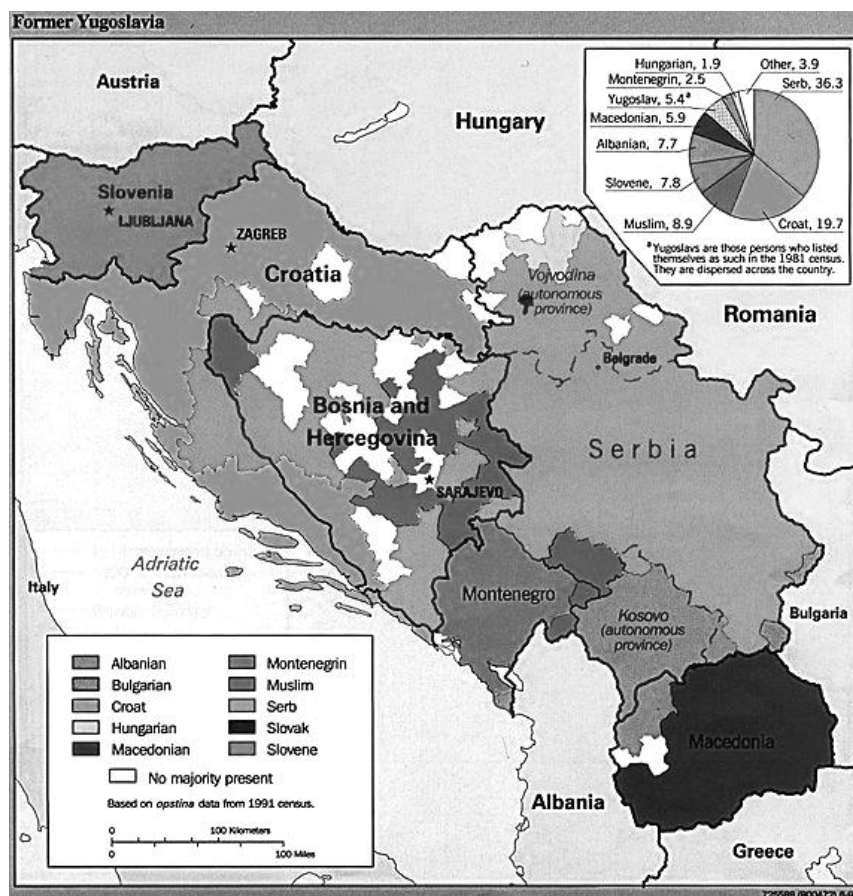

Рис. 1. Национальный состав бывшей Югославии в 1991 г.

Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Yugoslavia_ethnic_map.jpg.

Внешним проявлением межнационального напряжения являются серьезные этноязыковые противоречия, когда те народы региона, которые говорят на одном языке, не хотят его назвать общим именем, потому что не желают признать свое общее происхождение, а считают, что этот язык народы-соседи заимствовали у них. Кроме того, подавляющее большинство народов региона на фоне тяжелой экономической ситуации, массового распространения коррупции

и организованной преступности сталкивается с беспрецедентным падением рождаемости и исключительно высокой убылью населения, а также с очень высоким уровнем эмиграции (Novák 2014; UNODC 2008). В связи с этим представляется необходимым проанализировать историю и современное состояние межнациональных отношений региона, а также подробно остановиться на этноязыковых проблемах и сохраняющихся рисках дестабилизации.

Краткий обзор политической истории и межнациональных конфликтов в бывшей Югославии в XX – начале XXI в.

Представляется необходимым кратко рассмотреть основные, наиболее важные моменты и события в политической истории и межнациональных конфликтах в бывшей Югославии за последний век. Исключительно важное изменение геополитической карты рассматриваемой территории, как и вообще всех Балкан, произошло во втором десятилетии XX в. До этого в качестве независимых славянских государств на Балканах существовали только Сербия, Черногория и Болгария. Тогда произошла Первая балканская война (1912–1913 гг.), в ходе которой славянские государства вместе с Грецией победили Османскую империю и практически вытеснили ее с Балкан. Сербия тогда вдвое увеличила свою территорию, присоединив земли с несербским большинством: Косово, Санджак и Македонию; значительное расширение территории получили также Черногория, Греция и Болгария. Однако вскоре между союзниками, в особенности между сербами и болгарами, возникли ожесточенные споры о том, кому достанутся освобожденные регионы. В результате началась Вторая Балканская война тех же государств против Болгарии (лето 1913 г.), которая привела к потере последней ряда территорий и закреплению за Сербией присоединенных земель.

Всего лишь через год, летом 1914 г., началась особенно катастрофическая Первая мировая война. Она продолжалась до 1918 г., и в ходе нее Сербия и Черногория столкнулись с многократно превосходящими их армии австрийскими и германскими войсками, которые, несмотря на отчаянное сопротивление, быстро оккупировали эти страны (на стороне Австро-Венгрии также воевали близкородственные сербам хорваты и словенцы); в 1915 г. к войне под-

ключилась и Болгария, которая заняла Македонию и ряд земель в Южной Сербии. Хотя на численность населения мира в целом эта война (равно как и Вторая мировая), как ни странно, оказала весьма небольшое влияние (Коротаев и др. 2004), на население Балкан она повлияла самым серьезным образом. Больше всего пострадала Сербия, которая из-за военных действий, голода и эпидемий лишилась 1247 тыс. человек, или 28 % всего своего населения (причем 68 % жертв – гражданские лица), что представляет собой беспрецедентно большие демографические потери. Общие демографические потери, включая дефицит рождений, составили у Сербии 42 % довоенного населения, а у Черногории – 26 %. Нигде в мире эта война не оставила таких колоссальных демографических потерь, как в этих двух сербоязычных государствах. Сразу после них по величине общих демографических потерь шли Балканские страны: Румыния – 14 % и Болгария – 9,2 %, а также частично находившаяся тогда на Балканах Австро-Венгрия – 9,5 % (Radivojević, Penev 2014), что говорит об особой взрывоопасности Балканского региона, где военные действия были исключительно интенсивными и разрушительными для населения, в том числе для мирных граждан. Что касается межнациональных конфликтов между балканскими народами, то в этой войне, как и во Второй Балканской, наиболее ярко проявился сербо-болгарский конфликт за обладание Македонию и южными сербскими областями.

Первая мировая война закончилась, с одной стороны, крайне высокими демографическими и экономическими потерями для сербского народа. Но с другой стороны, она же привела к весьма позитивным для сербов результатам: под власть сербского короля Александра I Карагеоргиевича перешли очень большие территории, где проживало значительное количество сербов, в том числе Воеводина, Хорватия, Босния и Герцеговина; в состав сербского государства решением большинства вождей черногорских племен вошла также Черногория. Новое государство стало называться Королевство сербов, хорватов и словенцев (в 1929 г. оно получило название «Королевство Югославия»). К нему была присоединена и территория, где сербов не было, – Словения. Все эти новые территории до войны управлялись Австро-Венгрией, в 1918 г. прекратившей свое существование. Интересно, что представители хорватской и словенской политической элиты сами обратились к серб-

скому королю с просьбой принять их земли под свое покровительство, что говорит о достаточно сильном стремлении к единству южных славян, по крайней мере части политической и интеллектуальной среды этих двух народов (Шемякин 2011).

В составе Югославии оказались представители трех различных религий: сербы, черногорцы, влахи (потомки средневековых переселенцев-румын, которые проживают в Северо-Восточной Сербии) и жители Македонии исповедовали православие; хорваты, словенцы, немцы и венгры Воеводины – католичество; а боснийские мусульмане, македонские турки, косовские и македонские албанцы – ислам. На территории королевства существовали три слабо совместимые социально-экономические системы: Сербия и Черногория длительное время создавали свою систему, основанную на форсированной милитаризации и сельском хозяйстве; Хорватия и Словения веками находились в составе Австро-Венгрии и от нее усвоили западноевропейскую экономическую модель; Македония и Косово недавно освободились от власти Турции и были очень отсталыми регионами с патриархальным экономическим укладом; на том же уровне в целом находилась Босния и Герцеговина. Ни один народ и ни одна религия не образовывали абсолютного большинства. В королевстве, правда, существовало языковое большинство. Сербы, черногорцы, боснийские мусульмане и большинство хорватов говорили на одном – сербохорватском – языке. Однако это не привело к их сплавлению в одну нацию: они были разделены по религиозному признаку, веками жили в разных государствах и к тому же в недавней Первой мировой войне воевали по разные стороны баррикад. Двадцать три года мирного существования единого королевства (1918–1941 гг.) были объективно недостаточным сроком для их сближения и сглаживания имевшихся противоречий (Травин, Маргания 2004).

Развитие Югославии в мирных условиях прервала Вторая мировая война, когда нацистская Германия в апреле 1941 г. быстро разбила югославскую армию и погрузила страну в анархию и хаос. Сама эта югославская армия, что характерно, быстро распалась по национальному признаку – прежде всего из нее массово дезертировали хорваты. Такой массовый распад армии и растерянность командиров из-за этого во многом и стали причиной очень краткого и слабого сопротивления югославских войск, которое продолжалось

всего 11 дней и было просто несравнимо с очень упорным и длительным (более года) сопротивлением сербских войск австрийской, а затем и немецкой армии в Первой мировой войне. Впрочем, через месяц некоторые сербские части югославской армии снова смогли организовать под руководством Драголюб (Дражи) Михайловича – известного югославского генерала, участвовавшего в Балканских войнах и в Первой мировой войне, который был предан изгнанному из страны монархическому руководству (Гибианский 2011а).

После поражения Югославии она была поделена на части. Словения была отдана под непосредственное управление немцам и итальянцам, Черногория и Косово оказались под протекторатом фашистской Италии, Центральная Сербия – под протекторатом Германии. Некоторые территории были переданы ее сателлитам: Воеводина вошла в состав Венгрии, а Македония и часть Южной Сербии перешли под власть Болгарии. На западе Югославии было образовано достаточно крупное Независимое Государство Хорватия (НГХ), занявшее не только территорию современной Хорватии, но и Боснии и Герцеговины и даже некоторые регионы Западной Сербии. Во главе его встали усташи под руководством Анте Павелича, которые быстро стали нацистскими коллаборационистами. В Загребе толпы людей приветствовали немецкие войска. Усташская власть была вынуждена уступить Италии очень важную часть своей приморской территории, а на землях, оставшихся под своим контролем, устроила массовый геноцид сербов, евреев и цыган, который осуществлялся прежде всего в концлагере Ясеновац. Цифры, характеризующие масштаб этого геноцида, резко различаются – от менее 112 тыс. (хорватские данные) до более 700 тыс. (сербские данные), как и общее число погибших сербов – от 530 тыс. до более 1,6 млн (см. об этом: Ходунов 2016). В результате в части Хорватии и в Боснии и Герцеговине стали действовать сербские повстанческие отряды, стараясь защитить от зверств усташей местное население. В спасении сербов на некоторых территориях важную роль сыграли и итальянские войска: Италия враждебно относилась к НГХ и стала помогать его противникам-четникам, воевавшим в районе спорных территорий, а также защищать местных сербов от усташей, постепенно забирая все новые и новые территории у НГХ. Без такого взаимодействия четников и итальянцев

жертв среди мирных сербов было бы гораздо больше (см.: Гибианский 2011а: 425–426). Геноцид со стороны хорватов-устьашей стал для сербов крупнейшим эпизодом истребления в XX в., и в массовом сербском сознании из-за действий устьашей примирение с хорватами до сих пор не представляется возможным (Pravda.ru 2014).

Характерно, что устьаши, понимая, что в многонациональном государстве невозможно истребить все меньшинства, сделали ставку на боснийских мусульман, закрыв глаза на различия в религии, заметно более существенные, чем у сербов. Боснийские мусульмане были провозглашены «цветом хорватского народа» – самыми лучшими и самыми умными его представителями. Такая политика привела к переходу некоторой части мусульман (в основном слабообразованных) на сторону устьашей, и из них была сформирована нацистская дивизия «Ханджар», которая наряду с бандами хорватов-устьашей участвовала в геноциде сербского народа. В то же время многие выдающиеся и высокообразованные мусульмане открыто выступили против зверств устьашей, обвинив их в страшных преступлениях над сербами. По их словам, устьаши часто при истреблении жителей сербских сел намеренно надевали мусульманскую одежду и называли друг друга мусульманскими именами, чтобы навлечь гнев сербов на мусульман и спровоцировать их на взаимное истребление (Intermagazin 2013). Все же очень большая часть боснийских мусульман присоединилась к партизанам, а некоторые представители мусульманской интеллигенции с сербским самосознанием примкнули к четникам (Telegraf 2013).

Вместе с сербо-хорватским конфликтом в воюющей Югославии образовался и другой, весьма болезненный и разрушительный, конфликт – между сербами и боснийскими мусульманами. Речь идет не только о геноциде сербов со стороны мусульман-устьашей, но и об истреблении и изгнании мирного мусульманского населения в Восточной Боснии и Санджаке частью сербских четников, которые были шовинистически настроены. Есть мнение, что эти отряды не были под контролем высшего четнического командования во главе с Дражей Михайловичем, а главным мотивом нападавших во многих случаях была месть за предшествовавшее массовое убийство сербов устьашами и мусульманами в этой местности (Самарцић 2013). Кроме того, профашистские албанские силы после вхождения Косово и Северо-Западной Македонии в созданную

фашистской Италией «Великую Албанию» начали убивать и изгонять сербов (Гуськова 2007). В четническом движении участвовали практически только сербы, с небольшим количеством мусульман и еще меньшим – хорватов, что отражает то обстоятельство, что из крупных югославских народов защищать королевскую Югославию оказались готовы только сербы.

Монархическому и сербскому в своей основе четническому движению противостояло интернациональное движение югославских партизан-коммунистов, возглавлявшееся хорватом Иосипом Броз Тито. Он был непримиримым противником монархии и хотел установить федеративную социалистическую республику по советскому образцу, сделав страну союзницей СССР. Этнический состав партизан был гораздо более разнообразным: помимо сербов, составлявших большинство и в этом движении, в него входили множество боснийских мусульман, некоторая часть хорватов, недовольная режимом усташей, и часть словенцев и македонцев. Их привлекал интернационализм движения, стремление партизанского руководства к равноправию всех народов Югославии, обещание мероприятий по радикальному улучшению жизни. Четники и партизаны никак не могли договориться между собой о совместных координированных действиях. Политические расхождения оказались слишком сильными, и с конца 1941 г. помимо межнациональных конфликтов страну охватила междоусобная гражданская война четников и партизан, что отвлекало очень большие силы от антифашистской борьбы. Впервые за долгие века сербы воевали с сербами из-за политических разногласий (Гибианский 2011а).

В конечном итоге партизаны провели ряд успешных битв с немцами (в их изгнании из Югославии помогла Красная армия, освободившая в октябре 1944 г. Белград), а затем одержали верх над четниками, и Югославия была воссоздана в прежних границах, но уже без короля и с единственной разрешенной партией. В 1945 г. страна была разделена на союзные республики по федеративному принципу, провозглашенному в 1943 г., а в рамках Сербии были также созданы автономии для регионов со значительным процентом национальных меньшинств – Воеводины и Косово. Так коммунистическая власть пыталась решить национальный вопрос. Из Воеводины были депортированы практически все проживавшие там веками немцы (500 тыс.), а в 1950-х гг. туда по приглашению

Тито переселилось много сербов из разных краев Югославии, что привело к резкому увеличению доли сербов в этой чрезвычайно пестрой по национальному составу автономии. Четническое, усташское и баллистское (албанское) движения были объявлены профашистскими и запрещены, а Дража Михайлович в 1946 г. был осужден и расстрелян (Гибианский 2011б).

В 1950–1970-х гг. югославским коммунистам, которые, в отличие от советских, сохранили традиционную основу экономической жизни страны – единоличные крестьянские хозяйства и мелкие частные предприятия, удалось воплотить в жизнь свои обещания резкого улучшения уровня жизни. Бедная и экономически отсталая крестьянская страна стала стремительно развиваться. Темпы роста промышленной продукции в 1954–1965 гг. составили 12,2 % в год, что позволило осуществить индустриализацию (Травин, Маргания 2004). Люди всех национальностей массово переселялись в города, покупали современную бытовую технику, многие получили возможность зимой и летом ездить в отпуска, резко вырос уровень здравоохранения и образования, особенно высшего, обеспеченность электричеством стала почти всеобщей, а потребление продовольствия к 1970-м гг. даже вышло на уровень переизобилия (Demographic... 1974). Столь успешное развитие позволило многим семьям забыть о лишениях недавней войны и обеспечить себе достаточно высокий уровень жизни.

В новом государстве была существенно пересмотрена национальная политика, которая стала значительно отличаться от политики периода королевства. Народам Югославии в целом, в отличие от королевского периода, было позволено свободное национальное самоопределение (за некоторыми существенными исключениями, о которых будет идти речь ниже), была провозглашена идея братства и единства между всеми народами и прозвучал призыв о необходимости забыть тяжелое прошлое и старые обиды, нанесенные народами друг другу во время войн. Коммунистическое правительство стало поощрять национальное самоопределение «югослав», когда люди ассоциировали себя прежде всего не со своим народом, а с многонациональной страной, и число «югославов» стало быстро расти. В 1971 г. была официально признана национальность «мусульманин», созданная специально для боснийских мусульман, большинство из которых не хотели самоопределяться как сербы

или хорваты. В результате возникла парадоксальная ситуация, когда мусульманин по национальности мог быть атеистом по религии. Вообще, что касается религии, югославская конституция гарантировала свободу вероисповедания, и обычные верующие всех конфессий могли свободно совершать религиозные обряды, хотя, в отличие от королевской Югославии, произошло отделение религии от государства, и роль религии в обществе в целом значительно снизилась. Кроме того, в отличие от югославского периода, когда во всей стране был официально разрешен только сербохорватский язык (в сербском и хорватском вариантах), а на языках меньшинств отсутствовали обучение и книгопечатание, не существовало никаких газет и журналов, после 1945 г. все языки были провозглашены равноправными, в каждой республике и автономии был официально признан местный национальный язык, на котором было разрешено обучение в школах, появилась разнообразная пресса. В целом национальные и религиозные права были гарантированы при условии лояльности коммунистическому режиму (Baltic 2007).

Заметно улучшилось и положение косовских албанцев. Так, в частности, Тито сразу после войны объявил амнистию албанцам, воевавшим против партизан, и обещал обеспечить равноправие албанского народа. Уже в 1945 г. Косово получило автономию, а в 1974 г. фактически стало обладать теми же правами, что и союзные республики. В крае было создано школьное образование на албанском языке и открыт университет с обучением на албанском (80 % его студентов были албанцами), печаталось множество албаноязычных газет и журналов, существовало радиовещание на албанском. В 1988 г. 38 албанцев работали в органах федеральной югославской власти (Гуськова 2006). Был также создан специальный фонд для перечисления денег более бедным национальным образованиям, чтобы выравнять экономическое развитие страны, основными донорами в котором стали самые богатые республики Словения и Хорватия, а главными получателями – Косово и Македония (Baltic 2007). Такая политика во многом способствовала ослаблению межнационального напряжения в республике. Кроме того, в отличие от королевского периода, больше не существовало возможности создавать любые политические партии и движения на национальной основе, и представители всех национальностей шли в единственную легальную Коммунистическую партию Югосла-

вии, в которой, впрочем, имелись свои, достаточно различающиеся по взглядам фракции. Таким образом власти надеялись предотвратить этнический сепаратизм и развал страны.

В таком виде социалистическая Югославия просуществовала 46 лет, хотя в течение двух последних десятилетий ее существования достигнутые страной впечатляющие успехи омрачились весьма серьезными проблемами. Заметные экономические сложности начали возникать уже в середине 1970-х гг. Тогда экономический рост резко замедлился, а в 1980-х гг. и вовсе остановился. Югославская экономическая модель, вначале показав исключительно высокие темпы роста и весьма успешное развитие, уже через два десятилетия оказалась совершенно неспособной к решению множества накопившихся проблем и новых мировых вызовов, поскольку была полностью направлена на обеспечение экстенсивного роста и индустриализацию, а когда эти задачи были решены, гарантировать дальнейшее стабильное и устойчивое развитие она была не в состоянии. Страна оказалась в огромных долгах и жила с очень большим бюджетным дефицитом, а с середины 1980-х гг. — и с галопирующей инфляцией. Стремительное улучшение уровня жизни людей прекратилось, и даже начался определенный спад. Все это приводило к ослаблению государства и оживлению, казалось бы, давно забытых национальных противоречий. До 1980 г., пока Тито был жив и его окружали лично преданные партизанские руководители и друзья по оружию, Югославия прочно держалась. Но после его смерти центробежные тенденции стали нарастать. Еще в 1974 г. была принята Конституция, гарантировавшая республикам особо высокую степень автономии, вплоть до права на выход из состава Югославии, что также привело к ослаблению страны и нарастанию сепаратизма, прежде всего в Хорватии и Косово (Травин, Маргания 2004).

Существовало активное движение хорватов за расширение самостоятельности и повышение статуса своего языка. В середине 1960-х гг. во всей Югославии и особенно в Хорватии начали активно выступать силы, которые хотели большей самостоятельности республик. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. хорватские национальные чувства резко проявились во всех слоях хорватского общества, что выразилось в открытом подчеркивании своей самостоятельности и требовании больших прав. Хорватские историки рас-

суждали об ошибочности решения хорватов войти в Югославию. В 1970 г. один из лидеров Хорватии Савка Дабчевич-Кучар даже заговорила о возможности самостоятельного развития республики. Руководство хорватских коммунистов также потребовало ускорения экономического развития, чтобы достичь уровня Запада, и создания правового государства с плюрализмом мнений вместо однопартийного коммунистического режима. Однако рядовые коммунисты, ветераны и рабочие республики выступили против таких лозунгов. В конце концов эти процессы вызвали очень серьезное беспокойство Тито по поводу того, что он может потерять власть, и в 1971 г. он принял решительные меры, введя в Загреб войска, после чего С. Дабчевич-Кучар и другие хорватские лидеры подали в отставку (Гуськова 2011).

Наиболее резкие формы сразу после смерти Тито приняло движение за независимость косовских албанцев. Протесты албанцев начались еще в 1950-х гг., а в 1981 г. они переросли в вооруженное восстание. Многие сербы были вынуждены уже тогда покинуть Косово, опасаясь нападений вооруженных албанских радикалов. Косовский кризис был во многом связан с очень низким уровнем экономического развития края, а также с огромным демографическим давлением безработной молодежи из-за крайне высокой рождаемости местных албанцев. В этих условиях местное движение за независимость переросло в активную вооруженную борьбу (Она же 2006).

В самой компартии в 1980-х гг. резко нарастали противоречия между ее лидерами разных национальностей. В конце концов центральная власть, столкнувшись с захлестывавшими страну экономическими проблемами, не смогла остановить развал государства. В республиках с 1990 г. начали создавать партии на национальной основе, что раньше было категорически запрещено. В Хорватии, а также Боснии и Герцеговине ведущие национальные партии (Хорватское демократическое содружество [ХДС] во главе с местным диссидентом Франьо Туджманом и Партия демократического действия [ПДД] под руководством бывшего мусульманского активиста, сторонника создания исламского государства в Боснии Алии Изетбеговича) были в какой-то степени даже антикоммунистическими и провозглашали необходимость вернуть независимость и ориентироваться на национальные традиции и религию. Поэтому

ХДС сильно тяготела к католицизму и уповала на помощь Запада и Ватикана, а ПДД приняла ярко выраженный исламский характер и надеялась на поддержку арабских стран, Турции и Ирана. Эти партии в атмосфере роста националистических настроений одержали победу на первых многопартийных выборах своих республик (Гуськова 2000).

В Словении на выборах 1991 г. победили сторонники полной независимости. В Македонии к власти пришла воссозданная партия независимости под названием «Внутренняя македонская революционная организация – Демократическая партия македонского национального единства» (ВМРО-ДПМНЕ), правда, декларировавшая теперь исключительно мирный и ненасильственный характер своей идеологии и практики. Только в Сербии и Черногории власть сохранили наследники коммунистов. В 1990 г. из сербского отделения Коммунистической партии Югославии образовалась Социалистическая партия Сербии во главе с бывшим коммунистическим функционером Слободаном Милошевичем, которая, впрочем, в условиях меняющегося времени была вынуждена пойти на резкое изменение своей идеологии: дозволила многопартийность, свободу слова и разрешила приватизацию государственных предприятий. В 1990 г. в Сербии возникли несколько традиционно ориентированных партий, по идеологии близких к национальным партиям других республик, прежде всего очень традиционалистская и прочетническая, хотя при этом и республиканская, Сербская радикальная партия (СРП) во главе с активным антикоммунистическим диссидентом Воиславом Шешелем – открытым противником Тито. Она в первой половине 1990-х гг. составляла очень серьезную конкуренцию социалистам. У боснийских сербов возникла еще более антикоммунистически настроенная Сербская демократическая партия (СДП) во главе с Радованом Караджичем, поэтом и врачом-психиатром; подобная организация образовалась также у хорватских сербов (Там же).

В 1991 г. начался распад Югославии, отягощенный межнациональными конфликтами и гражданскими войнами внутри республик. В июне 1991 г. от Югославии отделились Хорватия и Словения. В Хорватии сразу же было отменено положение конституции о том, что она является государством и сербского, и хорватского народов, и введено положение о том, что государствообразующим

является только хорватский народ. Если в Словении не было длительных военных действий, то Хорватия сразу же столкнулась с сопротивлением Югославской народной армии (ЮНА) под командованием С. Милошевича и противодействием хорватских сербов, которые не хотели отделения от Югославии и создали свое непризнанное государство – Сербскую Краину. Между ЮНА и хорватскими войсками в августе 1991 – июне 1992 г. на границах Краины произошли ожесточенные столкновения, однако они там закончились после появления солдат ООН, и Краина стала фактически независимой. В стране резко обострилась межнациональная обстановка, которая сделала невозможным совместное дружное проживание народов, еще недавно считавшееся здесь нормой, о чем можно судить по очень высокому проценту смешанных браков между хорватами и сербами, который наблюдался в республике – 17 % в 1972 г. Многие районы Хорватии оказались охваченными массовыми беспорядками и перешли под контроль сербских или хорватских полувоенных формирований, что привело к многочисленным жертвам и разрушениям с обеих сторон и сопровождалось массовым бегством населения. Характерно, что в 1991 г. повторились события 50-летней давности: из Югославской народной армии снова начался массовый выход солдат и офицеров несербской национальности, которые вступали в вооруженные отряды новообразованных республик, и в ней остались почти одни сербы (Гуськова 2000).

Война в Хорватии закончилась в августе 1995 г., после двух наступательных операций хорватских войск под названием «Блеск» и «Буря», когда хорватские войска под командованием генералов Анте Готовины и Младена Маркача вошли в Сербскую Краину. Из Краины, опасаясь повторения геноцида, произошедшего в период правления усташей, сразу после появления хорватских войск бежали практически все сербы – 233 тыс. человек (Aleksić 2014), главным образом в Воеводину. Армия Сербской Краины по непонятным причинам никакого сопротивления не оказала и сразу же сдалась. В самой Сербии об этом ничего не сообщалось, государственное телевидение никак не освещало произошедшие события (Гуськова 2000). Очень многие сербы, в том числе ряд известных политиков, ученых, общественных деятелей, предполагают, что существовал некий тайный договор между С. Милошевичем и

Ф. Туджманом о передаче Сербской Краины Хорватии без сопротивления. Сербский же полковник Горан Евтович убежден, что Милошевич все-таки хотел сохранить независимость Краины, но не мог отправить в нее войска, поскольку не имел таких полномочий: дать санкцию на ввод войск в Хорватию мог только парламент, который был в значительной части оппозиционно и прозападно настроен; кроме того, для желанной победы необходимо было мобилизовать и отправить на фронт очень большое количество солдат, что было весьма проблематично осуществить в крайне нестабильных внутренних и внешних условиях середины 1990-х гг. (Евтович 2015). Истинная причина странного поведения краинского руководства и армии, а также слабой реакции на события из Белграда до сих пор неизвестна. Есть информация, что и в этой войне имели место массовые преступления против сербов со стороны части хорватских войск, в том числе убийства некоторой части оставшихся в Краине сербов, уничтожение части их имущества и применение авиации против колонн беженцев (Гуськова 2000). Всего за время войны количество жертв среди сербов оценивается в 2,7 тыс. гражданских лиц и 4,4 тыс. военных (Štrbac 2014), а среди хорватов – 4,1 тыс. гражданских лиц и около 8 тыс. военных и полицейских (Petrićušić 2009). Хорватские же общественные деятели и основные политические партии отрицают, что произошли массовые преступления против сербов, и считают своих генералов полностью невиновными. Таким образом, в сербско-хорватских взаимоотношениях возникло новое острейшее противоречие.

Возвращение хорватских сербов началось еще в конце 1990-х гг. Однако подавляющая часть бежавших сербов до сих пор не вернулась в Хорватию из-за того, что там все еще не созданы многие важные условия для их проживания (в частности, хорватами не признаются печати Сербской Краины, и поэтому невозможно доказать право собственности на жилье, которое покинули собственники), и они остаются в Сербии с надеждой на возвращение. Многие сербы безвозвратно потеряли собственность в результате ее уничтожения хорватскими войсками в 1995 г., а во многих случаях их жилье заняли хорватские переселенцы (Petrićušić 2009).

Остается добавить, что после 1945 г. в первые послевоенные десятилетия Хорватия достигла больших экономических успехов во многом благодаря помощи хорватских сербов, которые прини-

мали очень активное участие в ее социально-экономическом и культурном строительстве. Эти сербы постоянно проживали на территории современной Хорватии несколько веков. Поэтому без возвращения сербов в родные места этнокультурный ландшафт Хорватии останется неполным, покинутые сербами области – практически пустыми, а социально-экономическое развитие Хорватии будет далеко не таким быстрым и успешным, каким могло бы быть. Если сербы в основной массе смогут вернуться и комфортно себя чувствовать в Хорватии, это существенно повысит и ее авторитет в глазах мирового сообщества. Возможно, это возвращение может произойти при предоставлении хорватским сербам культурной автономии, за которую выступал умерший в 1992 г. Йован Рашкович, самый популярный и уважаемый лидер местных сербов, противник сепаратизма и сторонник мирных переговоров с хорватами (Гуськова 2000).

В другой бывшей югославской республике – Боснии и Герцеговине (БиГ), которая была наиболее толерантной в плане межнациональных отношений, военные действия были наиболее длительными, ожесточенными и привели к особенно большому количеству жертв. В войне участвовали три стороны – три основных народа республики: боснийские мусульмане под руководством Алии Изетбеговича, боснийские сербы во главе с Радованом Караджичем и генералом Ратко Младичем и боснийские хорваты во главе с Мате Бобаном. По конституции социалистической Боснии и Герцеговины ни одно решение, связанное с политической судьбой республики, не могло быть принято без согласия представителей всех трех народов. Однако А. Изетбегович очень хотел независимости, чтобы воплотить в жизнь свой исламский проект по развитию Боснии, подобный тому, что осуществил его кумир аятолла Хомейни после Исламской революции в Иране, хотя, в отличие от Ирана, мусульмане здесь даже не составляли абсолютного большинства – их насчитывалось только 40 %, сербов – 32 %, а хорватов – 18 %. Было очевидно, что одностороннее провозглашение независимости и исламизация республики вызовут огромное недовольство сербов и хорватов, которое может перерасти в войну. Сербые в лице своих лидеров заявили о желании остаться в Югославии и о категорическом неприятии независимости (Там же).

После этого 9 января 1992 г. Р. Караджич провозгласил Республику Сербскую (РС) в г. Пале и объявил, что боснийские сербы имеют право на самоопределение и независимость и будут бороться за нее вооруженным путем. Вскоре была создана и армия Республики Сербской, во главе которой встал белградский генерал Р. Младич. 1 марта 1992 г. по инициативе Партии демократического действия (ПДД) прошел референдум о независимости Боснии, который бойкотировали сербы. Сербские, хорватские и мусульманские лидеры в попытках остановить надвигающуюся войну подписали 18 марта план о разделении республики на три национальных кантона, однако А. Изетбегович после консультаций с американским послом У. Циммерманом отозвал свою подпись. Вскоре начались боестолкновения сербов с мусульманами. Очень быстро, всего за несколько месяцев 1992 г., боснийские сербы в связи со слабостью мусульманской армии смогли овладеть более чем 70 % территории Боснии. В 1993 г. хорватские районы Боснии и Герцеговины также провозгласили независимость от центральных властей Сараево и заявили о создании Хорватской республики Герцег-Босны с собственной армией. Начались чрезвычайно ожесточенные боевые действия между хорватами и мусульманами. Помимо непосредственно военных действий, наблюдалось и очень много преступлений против мирного населения, а также беспрецедентный масштаб массовых переселений: представители всех трех народов, спасаясь от расправы, бежали на территорию, подконтрольную «своим» правительствам. От мирной и спокойной жизни в республике и очень хороших взаимоотношений трех народов в одночасье не осталось и следа. Весьма важным эпизодом войны стала 44-месячная осада Сараево сербскими войсками. Интересно, что США решительно выступили в этой войне на стороне мусульман, чтобы показать миру ислама, что, несмотря на свою твердую произраильскую позицию, они все-таки поддерживают мусульман в других регионах. Усилиями американских властей в марте 1994 г. были осуществлены казавшиеся невозможными примирение мусульманских и хорватских лидеров и образование единой мусульманско-хорватской армии для более успешного противостояния. Однако даже объединение двух армий не смогло переломить ход боевых действий, и сербы сохраняли свои позиции и даже занимали новые территории, как, например, г. Сребреница в июле 1995 г. После

этого США обвинили руководителей Республики Сербской в геноциде мусульман города и начали операцию НАТО против армии Республики Сербской. В результате массированных авиаударов координация между частями сербской армии была полностью нарушена, а боснийские сербы осенью 1995 г. потеряли треть территории, откуда в РС бежало 100 тыс. человек (Энгельгардт 2015).

Война закончилась в конце 1995 г. подписанием Дейтонских соглашений, в результате которых существование Республики Сербской было юридически признано в качестве «образования» (*энтитета*), но ее территория была сокращена с 70 % до 49 % площади страны (включая округ Брчко со смешанным национальным составом), а 51 % доставался другому «образованию» – Федерации Боснии и Герцеговины. По Дейтонским соглашениям государственное устройство Боснии и Герцеговины представляло собою конфедерацию – у *энтитетов* были даже свои армии, а Республика Сербская была наделена почти всеми признаками независимого государства и, главное, получила право блокировать все решения, связанные с внутренней и внешней политикой Боснии и Герцеговины. Контроль за политическим развитием республики для недопущения новых военных конфликтов возлагался на Высокого представителя, посылаемого из ЕС, обладающего очень большими полномочиями вплоть до смещения избранных парламентов, как произошло в РС в 1997 г., когда на выборах победило местное ответвление Сербской радикальной партии. К настоящему времени некоторая часть полномочий Республики Сербской все-таки перешла на уровень государства Боснии и Герцеговины благодаря усилиям Высокого представителя по централизации страны, однако нынешний президент РС Милорад Додик выступил категорически против дальнейшей передачи полномочий центральным органам власти. После войны и массовых переселений этнические группы в Боснии и Герцеговине больше не живут смешанно, и даже когда-то многонациональный город Сараево, где зачастую в одном подъезде жили несколько национальностей, оказался разделен по этническим границам (Гуськова 2000). Правда, к настоящему времени в Республику Сербскую вернулось некоторое количество мусульман, а в Федерацию – сербов, но подавляющее большинство беженцев (многие из которых бежали за пределы Боснии и Герцеговины, главным образом на Запад) не может или не хочет возвращаться из-за отсутствия условий для нормальной жизни, повальной бедности

и безработицы, царящей в республике. Кроме того, боснийское государство из-за огромных разногласий как представителей власти от трех народов, так и властей двух *энтитетов* не может нормально функционировать.

Местные мусульмане по менталитету резко отличаются от ближневосточных (они редко ходят в мечеть, в основном пьют вино и едят свинину; на бытовом уровне у них распространена поговорка: «В исламе алкоголь запрещен, но в Боснии разрешен»), смотрят те же фильмы и читают ту же художественную литературу, что и сербы, и в этом плане близки к ним (Мартынова 2014). Но тем не менее политические противоречия между двумя народами колоссальны, исключительно высоки и непреодолимы из-за боснийской войны 1992–1995 гг. После распада Югославии боснийцы и сербы диаметрально противоположно видят развитие боснийского государства. 76 % мусульман (и только 2 % боснийских сербов) полностью или частично согласны с тем, что надо ликвидировать Республику Сербскую (N1 ВІН 2015), считая, что она возникла на геноциде и массовом изгнании мирных мусульман, что в единой Боснии без автономий будет легче управлять и улучшать жизнь всех ее народов, а 67 % боснийских сербов хотят независимости РС и ее выхода из состава Боснии (RTV Slon 2013). Для обычных мусульман (и их официальных лиц, включая бывшего духовного лидера Мустафу Церича) война представляет собой агрессию и их геноцид сербами, а сербского генерала Младича они считают военным преступником уровня Гитлера (Вошњасі 2015). Сербы же говорят, что РС создана в ходе оборонительной войны, когда сербы защищались от агрессии и геноцида со стороны мусульман, союзных им стран Запада и Ближнего Востока, а Младич – национальный герой, спасший их от геноцида (Диковић 2013)¹. По исследованиям,

¹ Особо отмечу, что насчет оценки личности и роли Р. Младича нет единства даже среди российских ученых – кандидатов наук, специалистов по бывшей Югославии, которые во время войны были в Боснии и Герцеговине и лично с ним встречались. Так, по мнению руководителя Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН Е. Гуськовой, Младич, без сомнения, является героем, выдающимся стратегом, офицером, который выполнял свой долг, спас сербов от геноцида и всегда весьма гуманно поступал по отношению к мирным жителям всех национальностей (Геополитика.ru 2017). Однако по убеждению профессора МГИМО и журналиста С. Грызунова, Младич, безусловно, виновен в преступлениях против мирного мусульманского и хорватского населения, в частности, в обстреле мирных жителей и жестоком обращении с пленными. По его словам, генерал «был одержим идеей истребить мусульман» (Кара-Мурза 2011).

самое большое число гражданских лиц погибло все-таки среди муслиман (25,6 тыс., или 70 % от всех гражданских лиц), но в некоторых районах серьезно пострадали и сербы, среди которых погибло 7,5 тыс. мирных жителей; военные же потери составили соответственно 42,5 тыс. и 15,2 тыс. человек (Zwierzchowski, Tabeau 2010). Например, как считают многие ученые, в районе г. Сребреница 81 сербское село вместе с населением было уничтожено отрядом боснийского полевого командира Насера Орича (Иванишевич 2012). Основные жертвы мусульмане, как и в 1941–1945 гг., понесли на территории Восточной Боснии (Intermagazin 2013). Исключительно большое количество жертв среди мирного населения в боснийской войне находится в резком контрасте с проходившей в то же время йеменской гражданской войной, где практически не было отмечено случаев убийств мирного населения (Коротаев 2003)².

Противоречия между боснийскими мусульманами и боснийскими хорватами на бытовом уровне заметно меньше, а отношения – заметно лучше, чем между мусульманами и сербами; в гражданской войне меньше всего погибло хорватов – 1,9 тыс. мирных жителей и 3,1 тыс. военных (Zwierzchowski, Tabeau 2010). Тем не менее многие хорваты хотят большей самостоятельности, 51 % их желает восстановить Герцег-Босну в форме третьего *энтитета* (RTV Slon 2013), что встречает резкое неприятие муслиман.

Результаты опроса в марте 2009 г. 1743 граждан Боснии и Герцеговины разных национальностей показали, что между ними существует достаточно высокий уровень дистанции. Так, только 26 % хорватов и 11 % мусульман согласилось бы вступить в брак с представителем сербского народа, а 33 % хорватов и 47 % мусульман не хотели бы иметь друга-серба. 25 % хорватов и 38 % боснийских мусульман не хотят, чтобы сербы жили с ними по соседству в од-

² Важной причиной столь высокого количества жертв среди гражданских лиц в боснийской войне стало очень активное участие в ней нелегальных полувоенных формирований, не подчинявшихся центральному командованию (существует мнение, что местная администрация в ряде случаев даже потворствовала их деятельности). Так, в Сараево вооруженные банды боснийских мусульман грабили и убивали горожан сербской национальности. Печальную известность получили иррегулярные отряды сербского полевого командира Желько Ражнатовича по прозвищу Аркан, которые совершали массовые преступления над боснийскими мусульманами, в том числе в г. Зворник (Гуськова 2000; UNODC 2008). Также очень большое число преступлений против сербов и хорватов совершили члены отряда «Эль-Моджахедин», в котором были и иностранные добровольцы-террористы из ближневосточных стран (Галияшевич 2012).

ном здании или на одной улице, а 43 % хорватов и 57 % мусульман против того, чтобы сербы занимали важные административные посты во власти в Боснии. Сами сербы при этом показали самый высокий уровень дистанцированности: только 9 % согласились бы вступить в брак с хорватами (6 % с мусульманами), 64 % не хотели бы дружить с хорватами (67 % с мусульманами), а соседей-хорватов не хотели бы иметь 57 % (мусульман – 61 %). Только 20 % сербов согласились бы, чтобы хорваты занимали важные административные посты в РС, а мусульмане – 18 % (Puhalo 2009).

Согласно еще одному опросу, проведенному в Боснии и Герцеговине в 2010 г., с точки зрения мусульман, С. Милошевич и сербы больше всех ответственны за развязывание войны в Боснии (так думают соответственно 50 % и 43 %), с ними согласны 30 % хорватов (что больше всего виновны сербы) и 23 % (что наиболее виновен Милошевич). Сербы же винят в развязывании войны лидера мусульман А. Изетбеговича (44 %) и лидера хорватов Ф. Туджмана (37 %), а 57 % считают виновным мировое сообщество. 49 % боснийских мусульман, участвовавших в данном опросе, хотят ликвидировать РС и кантоны и тем самым укрепить государство, но это поддерживают только 7 % боснийских хорватов и 3 % боснийских сербов. 39 % хорватов и 28 % сербов считают, что Боснию ждет лучшее будущее, если выделить еще одно образование, подобное РС, и для хорватов (среди мусульман с этим почти никто не согласился).

Интересно посмотреть, что народы Боснии думают друг о друге. Сербы считают мусульман двуличными (52 %), отсталыми (31 %), неискренними (30 %), но при этом готовыми помочь (29 %) и трудолюбивыми (27 %). Мусульмане полагают, что сербы холодны (43 %), двуличны (43 %), агрессивны (41 %), жестоки (34 %), неискренни (18 %), но гордятся собой и трудолюбивы (по 17 %). Хорваты считают сербов двуличными (37 %), неискренними (34 %), агрессивными (32 %), холодными (29 %), но гордящимися собой (23 %) и старательными (20 %), а сербы хорватов – культурными (45 %), холодными (41 %), двуличными (35 %), старательными (26 %). Обращает на себя внимание тот факт, что 51 % боснийских мусульман сказали, что не любят сербов из-за их роли в войне и агрессивности, которую те тогда проявили. Это зашкаливающе высокий процент: только 11 % мусульман не любят из-за этого

хорватов, а 15 % сербов и лишь 1 % хорватов по этой же причине не жалуют мусульман. Всего 14 % хорватов из-за этой причины плохо относятся к сербам, а 13 % сербов – к хорватам. Целых 82 % мусульман и 61 % хорватов стали бы лучше относиться к сербам, если бы последние признали свою вину в войне, 58 % сербов хотели бы того же от мусульман, а 50 % – от хорватов (Skoko 2011).

Эти опросы представляют большой интерес, так как именно в Боснии представители всех трех народов наиболее тесно общаются между собой и часто имеют друзей и знакомых среди разных народов, а значит, заметное число людей формирует свое мнение на основе непосредственного общения. По немалому количеству негативных ответов видно, что и здесь очень большую роль играют пропаганда и стереотипы. Очевидны и колоссальные противоречия между тремя народами (особенно между сербами и боснийскими мусульманами) по политическим вопросам. Ясно также, что межнациональные отношения исключительно далеки от идеальных и совсем не похожи на те, которые существуют у хорошо ладящих друг с другом народов. В настоящее время никакого выхода из тупика, сложившегося в межнациональных отношениях боснийских сербов и мусульман, не видно; напротив, есть очень большая вероятность резкого ухудшения ситуации. Лидер Республики Сербской Милорад Додик заявляет о необходимости выхода РС из состава Боснии, поскольку не видит других перспектив развития для боснийских сербов (Blic 2015), а мусульманский генерал Сефер Халилович отреагировал на это, сказав, что подобные заявления провоцируют войну и что он не позволит разрушить единство страны (Petrowić 2016). О желании создать третий *энтитет*, чтобы улучшить положение хорватского народа и обеспечить его равноправие во взаимоотношениях с центральной властью, в последнее время говорит и политический лидер боснийских хорватов Драган Чович (Behram 2017).

В Сербии с момента получения независимости серьезно активизировался косовский конфликт, который в 1998 г. перешел в полномасштабную гражданскую войну в крае. Албанцы с 1991 г. бойкотировали сербские выборы и даже создали свою параллельную систему здравоохранения и образования, правда, очень низкого качества. Их лидер Ибрагим Ругова провозгласил целью полное отделение Косово от Сербии с помощью ненасильственных мето-

дов. Однако существовало и радикальное движение, добивавшееся независимости вооруженным путем, – Армия освобождения Косово (АОК) во главе с Хашимом Тачи. Это движение устраивало теракты против сербской армии, полиции, гражданских лиц. В 1998 г. террористическое движение особенно сильно активизировалось (Гуськова 2006), и С. Милошевич ввел в край сербскую армию и полицию. В результате к началу 1999 г. сербские силы восстановили контроль над Косово, однако представители США снова обвинили сербов в геноциде, на этот раз мирных косовских албанцев, и поставили Сербии ультиматум о выводе войск из Косово, куда должны были войти силы НАТО. Милошевич отказался выполнить ультиматум, и в результате 24 марта 1999 г. начались ожесточенные бомбардировки военных и гражданских объектов, принесшие сербскому государству и населению огромный ущерб. 10 июня 1999 г. Милошевич капитулировал, и в Косово вошли войска НАТО. Они, однако, не смогли стабилизировать ситуацию и остановить албанских террористов, от рук которых летом 1999 г. погибло более 1 тыс. человек, было разрушено более 85 исторических и культурных памятников, а 226 тыс. сербов и 61 тыс. представителей несербских народов, в том числе большинство горанцев³, были вынуждены бежать, опасаясь террора и насилия (Она же 2007; Helsinški... 2004). До сих пор в Косово отсутствуют условия для их возвращения, и вернулась лишь незначительная часть беженцев. Косово в феврале 2008 г. провозгласило независимость, к власти в нем пришли главари АОК, такие как Хашим Тачи и Рамуш Харадинай, обвиненные швейцарским представителем в ПАСЕ Диком Марти в совершении множества преступлений, в том числе в убийствах и контрабанде наркотиков (Третьякова 2017: 127). В целом в косовском конфликте 1998–1999 гг. преступления совершали как албанские боевики, так и часть сербской армии и полиции (Искендеров 2012).

Надо сказать, что для большинства сербов Косово чрезвычайно важно и как центр средневековой сербской государственности, и как важнейший культурный центр, где на очень небольшой терри-

³ Горанцы (встречается также термин «горяне») – славяне-мусульмане, потомки исламизированных болгар, традиционно проживавшие на крайнем юге Косово и в Северо-Западной Македонии в местности Гора; в настоящее время вследствие долгого проживания в Югославии они считают себя отдельным народом или же частью сербского народа.

тории сконцентрированы целых 1350 церквей и монастырей (в основном – VIII–XIV вв.), 96 древних крепостей и 14 дворцов средневековых вельмож, многие из которых представляют собою шедевры мировой архитектуры и включены в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО (Кубуровић 2015), а также как крупнейший резервуар природных богатств Сербии. Поэтому для многих сербов мысль о потере Косово невыносима: 73 % опрошенных в Сербии были лично обеспокоены косовской проблемой, а 70 % считали для себя неприемлемым отдать Косово в обмен на вступление в ЕС (Gallup... 2010). Очень болезненно сербская общественность отреагировала и на признание независимости Косово со стороны всех стран бывшей Югославии (кроме Боснии и Герцеговины благодаря решительной позиции Республики Сербской), ведущих стран Запада и Турции (президент последней Р. Т. Эрдоган в ходе визита в Косово в ноябре 2013 г. даже заявил, что «Косово – это Турция, а Турция – Косово», и это было встречено аплодисментами со стороны около 10 тыс. албанцев [Jevtić 2013]). Тем не менее сербские власти пошли по пути уступок косовскому режиму, в том числе под давлением высших властей западных государств: решение косовской проблемы является одним из условий для вступления в Евросоюз. На некоторые уступки пошел уже сербский президент Борис Тадич, а следующий правитель Сербии Александр Вучич сделал еще более решительные шаги в этом направлении. Он решил начать прямые переговоры с косовскими властями, презрев тот факт, что в Сербии они разыскиваются по подозрениям в многочисленных преступлениях, и путем подписания некоторых договоров с ними фактически признал не только независимость Косово, но и право албанцев получить контроль над населенным сербами севером Косово, который албанская власть пока не контролирует (Филимонова 2017). Характерно, что Х. Тачи приветствовал такую политику Вучича и сообщил, что Белград наконец-то признал реальность существования независимого Косово и его территориальную целостность (Сани 2013). Существует опасность и военной экспансии косовского режима на сербский север края с непредсказуемыми последствиями.

Сербско-албанский конфликт в настоящее время остается одним из самых острых и потенциально взрывоопасных на Балканах. Косовские албанцы, хотя и живут в целом очень плохо, гораздо

хуже, чем под властью Сербии, все же не собираются обратно в ее состав: 75 % опрошенных в 2010 г. албанцев поддерживают независимость Косово, и только 2 % считают, что провозглашение независимости было однозначно негативным событием. Для сравнения, среди косовских сербов, что предсказуемо, никто не поддержал провозглашение независимости Косово, а целых 80 % заявило, что это событие было однозначно плохим. При этом 94 % албанцев против разделения Косово на сербскую и албанскую части – часто обсуждающийся в политических кругах Сербии вариант решения косовской проблемы, а поддерживают такой шаг всего 2 % из них. Для сравнения, в Сербии такой раздел одобрили бы 45 % респондентов, а 40 % предпочли бы сохранить все Косово, поскольку считают, что раздел все равно отнимает территорию у сербского народа (Gallup... 2010). Такой единодушный настрой албанцев связан как с постоянной антисербской пропагандой косовских властей, так и с тем, что лояльные Сербии албанцы, которые работали на государственной службе или просто выступали за сохранение Косово в составе Сербии, были уничтожены террористической АОК, которая убивала и представителей собственного народа за их политические взгляды (Гуськова 2000).

Отношение к албанцам в сербском обществе сегодня остается настороженным, а наиболее радикальная часть сербской молодежи выступает за депортацию всех албанцев из Косово и вообще Сербии. Под влиянием таких идей местные экстремисты изгнали заметную часть албанцев из некоторых городов Воеводины в 1999 г. (B92 2001). Но существует и другая, конструктивная позиция, которая широко распространена в сербском обществе и заключается в том, что надо доказывать албанцам, что они будут жить намного лучше, если вернуться в состав Сербии. В частности, такую позицию занимает умеренный сербский политик Владан Глишич: «Говоря реально, албанский народ под режимом Тачи живет хуже, чем во время Слободана Милошевича. Этот народ – в долгосрочной перспективе наш союзник, и я вообще не размышляю в категориях “прогнать, поубивать” и т. д., я размышляю в категориях “глубоко проникнуть в албанское общество”, что можно сделать, когда политику проводит мудрая власть, а потом привлечь их на свою сторону против терроризма и безумия, образовавшегося там» (YouTube 2013a).

Ситуация осложняется и открытой поддержкой косовского сепаратизма со стороны Албании. Еще в 1999 г. с сербскими войсками на стороне албанских сепаратистов воевала регулярная армия Албании (Galović 2013). А в 2013 г. было достигнуто соглашение о тесном взаимодействии армий Албании и Косово, по которому албанская армия получила право дислоцироваться на территории Косово (Dragović 2013), что является первым шагом к созданию из собственно Албании, Косово, албанских районов Македонии и других районов компактного проживания албанцев на Балканах «Великой Албании» – к цели, которую поддерживают ряд ведущих албанских политиков и ученых как Албании, так и других территорий, а также обычные люди: 51 % албанцев в Македонии, 62 % в Албании и целый 81 % в Косово. Отдельную угрозу представляет албанская наркомафия, контролирующая основной объем перевозок наркотиков в Европу; с ней государства региона справиться не в состоянии (Третьякова 2017: 98–99; Филимонова 2012). Фактически начавшееся создание «Великой Албании» грозит стать крупнейшей этнополитической проблемой региона, когда стремление к сепаратизму со стороны быстрорастущих пассионарных албанцев с высокой долей молодежи может легко дестабилизировать демографически очень слабые и вымирающие славянские государства (Рис. 2).

Не обошлось без серьезных межнациональных конфликтов и в Македонии. В ней в феврале 2001 г. началась гражданская война, когда албанцы – члены Освободительной народной армии (ОНА), ответвления АОК, вдохновленные успешным примером Косово, взяли за оружие и начали бороться за отделение албанских районов республики (в том же месяце боевики АОК начали вооруженное восстание в преимущественно албанской Прешевской долине на крайнем юге Сербии, но восстание было быстро подавлено сербскими войсками). Большинство албанцев дезертировало из македонской армии, что напоминает ситуацию начала 1990-х гг. с ЮНА. Война продолжалась несколько месяцев и сопровождалась массовым бегством македонцев и другого неалбанского населения (всего около 77 тыс. беженцев), а также разрушением их домов и православных храмов. Военные действия закончились в августе 2001 г. Охридскими соглашениями, заключенными при посредничестве стран Запада, согласно которым македонское законодатель-

ство было значительным образом изменено в соответствии с требованиями албанцев, что привело к серьезному ослаблению центральной власти. Причем отношения между славянским и албанским населением в Македонии традиционно были заметно лучше, чем в Косово, а сама эта война возникла прежде всего из-за действий албанских мигрантов из Косово. Сама ОНА в своей основе состояла из косовских албанцев. Но определенный вклад в ее популяризацию внесли социально-экономические проблемы, вызванные демографическим ростом македонских албанцев, еще более быстрым, чем в Косово. По свидетельствам ОБСЕ, македонская армия воевала весьма корректно и не допускала убийств и издевательств над мирным албанским населением (Третьякова 2017). Самым негативным последствием этого договора стала амнистия и легализация членов ОНА, которые избежали ответственности за совершенные преступления и вооруженный сепаратизм, а ее представители вошли в парламент и правительство и получили рычаги влияния на македонскую политику (ФАМА 2013).

Рис. 2. Карта «Великой Албании»

Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Ethnic_albania.jpg?uselang=ru.

В 2013 г. произошел беспрецедентный случай: Талат Джафери, который был офицером македонской армии и в 2001 г. в разгар боевых действий дезертировал, примкнул к ОНА и активно воевал против македонского государства (Емагазин 2017), стал министром обороны. Все это произошло при попустительстве правительства ВМРО-ДПМНЕ, которая при этом представляла себя как самую патриотическую партию Македонии (ФАМА 2013). В мае 2015 г. в г. Куманово на границе с Сербией произошел инцидент, когда вооруженные албанцы попытались захватить район Диво-Населье, однако македонская полиция за два дня смогла одержать верх над ними. В результате было убито 8 македонских полицейских и 10 нападавших (9 косовских албанцев, до этого воевавших за независимость Косово, и 1 македонский албанец), а много домов в районе было разрушено. В Косово объединения ветеранов АОК организовали им торжественные похороны и провозгласили их героями, которые «боролись за свободу оккупированных албанских земель и за их воссоединение с Албанией» (Hajdari 2015).

В македонской войне и защите гражданского населения значимую роль сыграл генерал Стоянче Ангелов. Важно отметить, что партия «Достоинство», возглавляемая С. Ангеловым, особенно активно выступает за межнациональный мир и единство республики, всегда разделяет обычных албанцев и экстремистов, взявших в руки оружие и ответственных за ухудшение македонско-албанских отношений, и уважительно относится к мирному албанскому большинству (ФАМА 2013).

Единственной республикой, где не было военных действий, стала Черногория, оставшаяся в первой половине 1990-х гг. в составе Югославии и управлявшаяся лояльным С. Милошевичу президентом Момиром Булатовичем. В 1997 г. президентом был избран Мило Джуканович, занимающий в настоящее время ярко выраженные прочерногорские и прозападные позиции. Под его руководством страна в 2006 г. провозгласила независимость на основе результатов референдума, по итогам которого 55,5 % граждан проголосовали за выход из состава Югославии (Докучаева 2016). Страна стремится в ЕС и совсем недавно, летом 2017 г., вступила в НАТО (за членство в этих двух организациях в республике выступают именно черногорцы по национальности, которые, подобно хорватам и словенцам, в заметной части чувствуют себя принадле-

жащими к западному миру, а вот черногорские сербы в заметной части выступают против этих организаций и желают присоединения республики к Сербии [News Front 2016]). Но все же между двумя основными народами республики – сербами и черногорцами, несмотря на все противоречия, не было (и, вероятно, не будет) острых вооруженных конфликтов.

В целом после распада Югославии и кровавых войн начала 1990-х гг. рассматриваемые государства так и не смогли выйти на траекторию устойчивого социально-экономического и политического развития, и между ними (и внутри них) продолжают оставаться исключительно серьезные противоречия. Хотя в экономическом плане всем странам в начале – середине 2000-х гг. удалось добиться некоторого восстановительного роста, уровень жизни 1970-х гг. так до сих пор и не достигнут ни в одной республике, за исключением Словении, которая остается самой богатой и стабильной страной бывшей Югославии и вообще является одной из самых развитых стран мира. На другом «полюсе» находится Косово, которое можно смело отнести к беднейшим странам мира. Значительно ухудшился по сравнению с благополучными 1970-ми и даже 1980-ми гг. уровень жизни в Сербии, Македонии и особенно Боснии и Герцеговине, полностью разоренной войной. Безработица в Сербии, Боснии и Македонии составляет около 30 % трудоспособного населения, а в Косово – более 40 %. Вообще экономическая ситуация в регионе может характеризоваться как «всеобщий (совокупный) кризис» (Novák 2014). Поэтому население в республиках с ностальгией вспоминает период социализма, а Тито до сих пор остается одним из самых популярных политиков, который для многих является символом стабильности и дружбы народов; многие считают, что тот высокий уровень жизни, который был при Тито, когда молодым парам бесплатно предоставлялась квартира, а зарплаты постоянно росли, уже никогда не вернется (Зотов 2017).

В Хорватии и Словении, выделяющихся наиболее высоким уровнем жизни, большинство довольны своей независимостью (но и там есть некоторая часть населения, ностальгирующая по общему единому государству), а в Сербии, Боснии и Герцеговине, Черногории большая часть населения тоскует по Югославии. Так, по одному опросу, лишь 4 % граждан Сербии считает, что распад Югославии был в целом позитивным явлением, а целый 81 % уверен, что

он принес прежде всего вред (видимо, и потому, что огромное количество сербов осталось вне пределов Югославии, а Косово вышло из-под контроля Сербии). В Боснии и Герцеговине соответствующие цифры составили 7 % и 77 %, в Черногории – 15 % и 65 %, а в Македонии – 12 % и 61 %. В других республиках число тех, кто видит больше пользы от своей независимости, заметно превышает число людей, уверенных, что она принесла вред: Словения (45 % и 41 %), Хорватия (55 % и 23 %) и Косово (75 % и 10 % [Gallup... 2017]). Все это говорит о том, что хотя народы и сохранили свою национальную идентичность, но все же в период социалистической Югославии они сблизились между собой настолько, что значительная их часть привыкла к единству, готова жить в одном государстве (при условии признания своей национальности и получения для нее национальной автономии, как было при социализме), жалеет о его распаде и хотела бы и сегодня его восстановить. Кровавые гражданские войны, без сомнения, привели к росту радикальных и шовинистических настроений среди югославских народов и заметно сократили число сторонников единства, но и сегодня их число в каждой республике (за исключением Косово) остается весьма значительным. Среди местной молодежи, впрочем, могут наблюдаться и другие тенденции, как будет сказано в конце раздела о боснийских мусульманах.

Несмотря на такие «югоностальгичные» настроения, воссоздание Югославии в обозримом будущем представляется абсолютно нереальным, в том числе и потому, что в современных условиях, когда во всех республиках экономика была полностью переведена на рыночные рельсы, прошли приватизации и возникло множество разнообразных партий, вряд ли возможно снова создать однопартийную систему, на которой во многом и держалось единство страны. Послевоенный опыт многонациональной Боснии и Герцеговины, которую называют еще «малой Югославией», показал, что в условиях многопартийности каждая крупная партия принимает точку зрения только своего народа и крайне редко идет на компромиссы, что блокирует успешное развитие государства. То же самое можно видеть и на примере Македонии, где крупные македонские партии вынуждены вступать в коалицию с албанскими, чтобы иметь возможность прийти к власти, а для этого им приходится менять свою политику в соответствии с требованиями этих албан-

ских партий, что также приводит к ослаблению македонского государства (см.: Искендеров 2015). Грубое вмешательство США, преследовавших свои интересы, в балканские дела привело к серьезному обострению и без того сложнейшей политической ситуации. А в Сербии агрессия НАТО и отторжение Косово, где США создали одну из крупнейших своих военных баз «Кэмп-Бондстил» (Филимонова 2017), привели к массовому всплеску антиамериканизма и вообще антизападных настроений. Плохое отношение к государствам переносится на народы. Так, если к русским сербы относятся чрезвычайно позитивно, то по отношению к американцам и немцам существует весьма выраженная этническая дистанция (Ремић 2007).

* * *

Что касается религиозного аспекта межнациональных взаимоотношений, то и здесь ситуация стала исключительно сложной. Во время боснийской войны было разрушено множество религиозных сооружений: православных, католических и мусульманских. Есть сведения, что особенно сильно пострадали мечети, медресе и другие культовые сооружения боснийских мусульман, которые разрушали сербские и, в меньшей степени, хорватские войска. По мусульманским данным, из 1144 мечетей с минаретами была уничтожена или повреждена 921, или 81 %. В частности, были разрушена уникальная мечеть Ферхадия и почти все остальные мечети в Бая-Луке. Всего же в той или иной степени пострадало 450 сербских религиозных объектов, 836 хорватских и 1819 мусульманских (Puhalo 2015). Многочисленные факты разрушения культовых зданий православных и католиков были отмечены и в Хорватии (Bellamy 2003).

После 1999 г. серьезно пострадали сербские церкви и монастыри в Косово, разрушенные и поврежденные албанцами. В марте 2004 г. в Косово произошел погром сербов, в котором участвовала 51 тыс. албанцев. В результате было сожжено 550 сербских и цыганских домов, разрушено 27 православных церквей и монастырей, а 4,1 тыс. сербов, цыган и других неалбанцев были вынуждены бежать из своих домов (Human... 2004). На территории собственно Сербии сразу после албанского погрома разгневанной толпой радикально настроенной молодежи в качестве мести за уничтожен-

ные церкви были сожжены две мечети в Белграде и Нише, что резко осложнило межрелигиозную обстановку (Plić 2017).

Хотя белградская мечеть и была восстановлена, она является единственной в городе и ее не хватает для многочисленных местных мусульман (по оценкам самих мусульманских организаций, мусульман, постоянно или временно проживающих в Белграде, насчитывается от 185 тыс. до 200 тыс.). Поэтому большинство верующих вынуждены молиться на улице (Radio-Televizija Srbije 2008). Получить разрешение на строительство мечети в Белграде крайне сложно: за 45 лет своего существования Исламское сообщество не смогло добиться ни одного разрешения на сооружение религиозного объекта. Поэтому верующие в одном из районов столицы нелегально построили мечеть, которая в мае 2017 г. была снесена по приказу местной администрации. В этом же районе существует нелегально построенная православная церковь и ряд других строений, возведенных без соответствующих документов, однако в качестве объекта разрушения выбрали именно мечеть. Такая ситуация приводит к росту напряжения и недовольства даже среди лояльных государству сербских мусульман (Plić 2017).

Следует сказать, что и сами сербские мусульмане поделены: в стране существует два враждующих между собой исламских сообществ. Одно из них (Исламское сообщество Сербии) полностью лояльно Сербии: признает Косово частью сербского государства и выступает против его независимости, в том числе и потому, что православные сербы лишились доступа к своим религиозным центрам (Вечерние Новости 2016), и его центр находится в Белграде. Один из его лидеров – муфтий Центральной Сербии Абдуллах Нууман, серб с тремя высшими образованиями, принявший в юности ислам во время своего путешествия по Индии (Šorbić, Branković 2016). Другое (Исламское сообщество в Сербии) часто выступает против политики сербского государства, и его центр находится вне пределов Сербии – в г. Сараево, а самая авторитетная его фигура – главный муфтий Исполнительного комитета Исламского сообщества в Сербии, боснийский мусульманин Муамер Зукорлич, выступающий за автономию Санджака (Филимонова 2010). Лояльное Исламское сообщество неоднократно просило сербские власти зарегистрировать его в качестве единственного легального сообщества мусульман, а другое сообщество – убрать из Регистра религи-

озных организаций в соответствии с решением Конституционного суда (Вечерње Новости 2014), однако никакой реакции властей не последовало. А в 2016 г. М. Зукорлич снял с себя полномочия мунта, стал депутатом сербского парламента и был избран на важный пост председателя парламентской комиссии по науке и образованию (Petković 2016).

Конфликт двух религиозных организаций наблюдается и в Черногории, где в 2000 г. была зарегистрирована не признанная каноническими православными церквами Черногорская православная церковь, которая объявила себя наследницей Черногорской церкви, существовавшей до присоединения Черногории к Югославии в 1918 г. Черногорская власть заявляет, что это присоединение было принудительно осуществлено сербами, однако многие современные черногорские историки утверждают, что большинство простого народа хотело присоединиться тогда к Югославии, а большинство духовенства добровольно стремилось войти в состав Сербской православной церкви. До сих пор значительная часть верующего населения принадлежит к Сербской церкви (Alo.rs 2016). Однако, к счастью, серьезного напряжения там не наблюдается. Проблемы появились и внутри традиционных конфессий. Так, в Боснии и Санджаке популярность набирают ваххабиты, в том числе под влиянием пропаганды радикальных мусульман-переселенцев с Ближнего Востока, которые приехали в Боснию воевать за мусульман и впоследствии там остались. В последнее время похожие тенденции наблюдаются и у косовских албанцев: в Косово проповедники ваххабизма весьма активны (Филимонова 2017). Что касается Хорватии, то, как с тревогой сообщают некоторые известные личности, в частности историк Хрвое Класич и журналист и богослов Драго Пилсел, некоторая часть католических священников и журналистов активно отрицает усташский геноцид сербов, в том числе в Ясеновце, а кто-то даже считает нацистского преступника Павелича героем, а его усташей – полностью невиновными в преступлениях, и такими идеями заражаются обычные хорватские верующие (Plotić 2016; Pilsel 2017). Все это означает, что и в религиозном аспекте межнациональных отношений также наблюдаются негативные явления, которые подрывают стабильность региона.

Этнолингвистический аспект межнациональных отношений на Балканах

В этой части статьи рассказывается о языковом аспекте межнациональных отношений на Балканах. Данному аспекту в статье уделяется особое место и внимание, что объясняется, во-первых, весьма сложной и интересной языковой ситуацией и языковой политикой в странах бывшей Югославии, которая находится в прямой связи с этнонациональными процессами и формированием идентичности живущих на этой территории народов, а во-вторых, тем, что, зная отношение конкретного народа к собственному языку (и языкам соседних народов), можно лучше понять и специфику межнациональных отношений на Балканах. Помимо описания языковой политики будут приведены и фактические данные по близости отдельных языков с конкретными статистическими показателями, что позволит читателю получить весьма наглядное представление о языковой реальности на Балканах и самому оценить, насколько эта реальность совпадает или расходится с распространенными среди балканских народов стереотипами. Будут рассмотрены только те случаи, когда разные народы говорят на одном и том же языке, но отказываются назвать его общим, единым для всех именем, а также противоположные случаи, когда один и тот же народ говорит на разных, хотя и близкородственных, языках, но при этом называет их одним именем, поскольку такие примеры наиболее ярко отражают рассматриваемую проблему (впрочем, под эти категории подпадает подавляющее большинство населения бывшей Югославии).

Касаясь проблемы языка как фактора этнической идентичности, необходимо отметить, что язык считается исключительно важным фактором существования и развития каждого народа, посредством которого собирается и передается информация о его историческом опыте и осуществляется общение его представителей путем чтения литературы, образования, науки, участия в мероприятиях (Курске 2011). Причем именно функция общения людей между собой, выполняемая языком, является важнейшей (Kordić 2010: 105). Многие ученые и исследователи XIX–XX вв. признавали язык ярким проявлением психологии и духа народа, формирующим его самосознание. Язык связывает прошлое и настоящее конкретного народа и помогает ему сохранить свою идентичность в современном меняющемся мире, поскольку изменяется гораздо более мед-

ленными темпами, чем традиции и обычаи (Донцов и др. 1997; Морзавченков 2015).

В настоящее время среди лингвистов в качестве критерия для разграничения языков и диалектов, а также для определения степени близости языков широко применяется список 100 самых употребительных и устойчивых слов (исключая заимствования), составленный в 1955 г. американским лингвистом Моррисом Сводешем (список Сводеша; см., например: Коряков 2017; Старостин 2007; Fodor 1961; Kassian *et al.* 2010; Kordić 2010: 98).

Кроме того, некоторые лингвисты используют и список часто встречающихся слов в литературном корпусе языка (то есть фактическое статистическое распределение слов по их частотности [Сысоев 2010]). В данной статье для сравнения представляется достаточным рассмотреть первые 300 самых частых слов (предварительно убрав из них явные заимствования), а в качестве основы сравнения взять распределение слов из литературного корпуса русского языка (для анализа взят подкорпус художественной литературы, так как в нем меньше всего заимствований [Ляшевская, Шаров 2009]) и условно предположить, что слова в сравниваемых языках будут иметь то же самое распределение по частотности, что и в русском.

Для признания двух идиомов одним языком нужен исключительно высокий процент совпадений. В научной литературе принят порог в 95 % общих слов по списку Сводеша, позволяющий разграничить язык и диалект (Коряков 2017: 93)⁴.

⁴ Например, три идиома, которые даже среди лингвистов обычно принято считать отдельными языками: персидский, таджикский и дари (официальные языки Ирана, Таджикистана и Афганистана) имеют по нему 97–98 % совпадений (рассчитано по: Фомин 2011), поэтому их по этой методике следует признать единым языком, тем более что их носители свободно могут говорить друг с другом без переводчика. В то же время, например, между такими славянскими языками, как русский и сербский (83 % общих корней [рассчитано по: Саенко 2013]) или русский и чешский (90 %), несмотря на очень высокий процент совпадений, полноценное общение невозможно: в потоке речи обычно понятны только отдельные слова и фразы, хотя, скажем, русскому и чешскому недостает только 5 слов в списке, чтобы считаться одним языком. Это показывает, что для свободного общения нужен особо высокий процент совпадений между идиомами, а уже на уровне от 80 до 90 % совпадений различия в произношении даже слов общего происхождения оказываются весьма существенными, а доля незнакомых слов в общем словарном составе (за пределами 100-словного списка) – весьма большой, что мешает пониманию не только при непосредственном общении, но и при чтении текстов (хотя и в меньшей степени). Поэтому славянские языки, несмотря на очень высокий процент совпадений между всеми ними по этому списку (от 83 до 94 %), все же нельзя объединять в один (Fodor 1961).

Самым распространенным славянским языком Балкан является сербохорватский. Число его носителей оценено в 17,4 млн человек по всему миру; на этом языке говорят сербы и черногорцы (9,1 млн), хорваты (5,6 млн) и боснийские мусульмане (2,4 млн), в том числе 1,5 млн из них живут вне пределов бывшей Югославии. В настоящее время в российской научной литературе многие авторы начинают отказываться от традиционного обобщающего термина «сербохорватский язык» и все чаще используют термины «сербский язык» и «хорватский язык» вслед за изменением в языковой политике Сербии и Хорватии, которые после распада Югославии стали подчеркивать самостоятельность своих языков (подобным образом политики и лингвисты боснийских мусульман и черногорцев пытаются доказать, что существуют самостоятельные боснийский и черногорский языки [Кречмер, Невекловский 2005]). Надо сказать, что уровень совпадений между сербским и хорватским языками (самыми отличающимися друг от друга из вышеперечисленных четырех) исключительно высок: по списку Сводеша он составляет все 100 % (Kordić 2010: 98), а по списку 300 самых частых слов – 99 % (рассчитано по: Ляшевская, Шаров 2009; Станкович 1998; Brodnjak 1991).

Существуют еще два балканских идиома, где процент совпадений тоже чрезвычайно высок: болгарский и македонский (соответственно 96 % по списку Сводеша [Fodor 1961] и 95 %⁵ по списку 300 наиболее частых слов [рассчитано по: Георгиев 1979; Дуриданов и др. 1996; Ляшевская, Шаров 2009; Сумская, Хаванская 2013; Головски, Иллич-Свитыч 1963; Църнушанов 1991a]), признанные современной российской наукой в качестве отдельных языков. На македонском языке говорит более 2 млн македонцев по всему миру, в том числе в Македонии 64 % населения (Усикова 2005), а на болгарском – около 7 млн человек, в том числе 6,7 млн в Болгарии (Маслов 2005). Сербы с хорватами, как и болгары с македонцами, на бытовом уровне свободно общаются без переводчика. Многие

⁵ В частотном списке слов в случае болгарского и македонского языков один и тот же несовпадающий корень присутствует 4 раза (из них целых 3 – в виде одного и того же слова, отличающегося только окончаниями, а что касается четвертого слова, то в списке отдельно учитывается его синоним, который в данных двух языках совпадает). Это, на наш взгляд, несколько искажает реальную картину. Поэтому при подсчете эти 3 случая повторения были исключены. В ситуации с сербским и хорватским подобных случаев не было, поэтому список слов был оставлен без изменений.

сербы, хорваты, боснийские мусульмане и черногорцы на бытовом уровне называют свои идиомы «наш язык», считая его единым языком, однако насчет его общего названия, которое было бы производным от названия какого-то одного народа, они договориться не могут. Во многих случаях в Европе диалекты одного языка (немецкий, итальянский, албанский) отличаются значительно сильнее, чем эти идиомы, официально считающиеся языками; так, если итальянцы будут говорить на своих диалектах, то они с трудом поймут друг друга (Kordić 2010).

Очень близки также македонский и сербохорватский, особенно его сербский вариант (94 % совпадений в списке Сводеша, и всего одного совпадения недостает, чтобы они считались одним языком). Между сербохорватским и болгарским 92 % совпадений, и до статуса «одного языка» им не хватает только трех (Fodor 1961). Тем не менее даже между сербским и македонским имеются ярко выраженные фонетические, лексические и грамматические отличия, полностью достаточные для того, чтобы признать их отдельными языками (см., например: Селищев 1979). Поэтому сербохорватский и «болгаро-македонский» – все-таки разные языки. Впрочем, определенный уровень взаимопонимания между их носителями (например, между болгаринем и хорватом), безусловно, возможен, но он далеко не стопроцентный (в отличие от диалога серба с хорватом), и при общении довольно часто возникает недопонимание.

* * *

Что касается хорватского языка, то заметная часть хорватов (и большая часть хорватских лингвистов) считает его самостоятельным. В нем действительно есть некоторое количество основных слов, отличающихся от используемых в Боснии и Герцеговине, Сербии и Черногории. Они, по нашим наблюдениям, в основном совпадают со словами из церковнославянского языка (первый зафиксированный южнославянский язык), хотя его прямые потомки – болгарский и македонский – их утратили. Это значит, что хорватский хранит более древнюю лексику по сравнению с этими южнославянскими языками. Поэтому представляются совершенно необоснованными утверждения некоторых сербских исследователей, что хорватский – это «испорченный сербский» (Kostić 1964: 82); наоборот, лексические и грамматические отличия хорватского от сербского – это в основном архаизмы в хорватском и инновации

в сербском. Также в хорватском языке употребляется заметно меньше слов, заимствованных из ближневосточных языков (так называемых турцизмов), чем в других языках региона, поскольку Хорватия значительно меньше времени была под властью Турции. Но все-таки все эти отличия очень небольшие и явно недостаточны для признания хорватского языка самостоятельным со строго лингвистической точки зрения.

Существенные отличия наблюдаются только в научной и публицистической лексике, в которой хорватские лингвисты стремятся заменить заимствования словами с южнославянскими корнями (Сотировић 2009). Однако эту лексику нельзя считать главным критерием для разграничения языков: она во многих случаях иноязычного происхождения или же создана искусственно и, таким образом, не является плодом естественного развития языков, что мы и видим на примере сербского и хорватского.

Языковая проблема была одной из важнейших в политической жизни Хорватии как во время социализма, так и после обретения независимости. Движение за самостоятельность хорватского языка началось еще в социалистической Югославии и было важным проявлением стремления хорватов к получению больших прав внутри Югославии. Большинство хорватских интеллектуалов стремились к признанию хорватского языка самостоятельным и равноправным сербскому. В то же время определенная их часть выступала за укрепление единого сербохорватского языка, что нашло отражение в «Новисадском договоре» 1954 г., подписанном некоторыми сербскими, черногорскими и хорватскими лингвистами и писателями. В нем признавалось существование единого языка и было объявлено о подготовке издания сербохорватского орфографического словаря, который вышел в 1960 г. Но уже в 1967 г. ряд хорватских лингвистов, ученых и писателей подписали Декларацию о названии и положении хорватского литературного языка, где утверждалось о его полной самостоятельности и о праве хорватского народа называть свой язык так, как он хочет. Это событие стало очень важным элементом Хорватской весны. Хотя некоторые подписавшие декларацию были лишены своих постов, в итоге Тито пошел на уступки, и в конституции Хорватии 1974 г. появился пункт о том, что официальный язык этой республики – хорватский, который, как там отмечалось, резко отличается от сербского. После 1991 г.

правящая партия «Хорватское демократическое содружество» (ХДС) стремилась не только подчеркнуть самостоятельность хорватского языка, но и внедрить множество «чисто хорватских» слов, чтобы избавиться от сербских, западных и даже международных заимствований; например, вместо обычного слова *фудбал* (футбол) предписывалось употреблять чисто хорватское *ногOMET*. Было издано множество словарей различий между хорватским и сербским языками (Bellamy 2003).

Известный хорватский лингвист Снежана Кордич считает хорватский частью (вариантом) того же языка, на котором говорят в Сербии и других республиках бывшей Югославии (наиболее корректным и приемлемым термином для него она считает «сербохорватский»), объясняя это почти стопроцентным уровнем взаимопонимания (а значит, существует очень небольшой процент отличающихся слов) и приводя в пример северный и южный диалекты немецкого, где различий даже больше, но взаимопонимание сохраняется. Поэтому она делает вывод, что в бывшей Югославии с научной точки зрения существует единый полицентрический язык с четырьмя вариантами, которые обладают своими особенностями и небольшими различиями в лексике и произношении (так что поговору можно определить, из какого региона тот или иной носитель), и приводит утверждения многих западных лингвистов, которые с этим согласны. С. Кордич критикует точку зрения югославских лингвистов – сторонников того, что сербский и хорватский – разные языки, потому что они применяют очень много нелингвистических критериев (национальное чувство носителей, их желание видеть свой язык отдельным от других, признание языка в национальной конституции и т. д.) и избегают использовать критерий взаимопонимания, хотя он является одним из важнейших в определении того, являются ли идиомы языками или диалектами (Kordić 2010).

Другие хорватские лингвисты с нею не согласны, считая, что у самостоятельного и отдельного хорватского государства обязательно должен быть и свой, отдельный язык. Так, академик Степан Бабич утверждает, что в хорватской лексике есть от 10 до 20 % уникальных слов, отсутствующих в соседних языках, что ему кажется весьма важным доказательством самостоятельности хорватского языка. Что же касается взаимопонимания с носителями серб-

ского языка, то оно, по его мнению, далеко не полное: в сербском есть много слов, которые не поймет хорват, и наоборот (Portal... 2009). Но приведенные С. Бабицем сербские примеры, непонятные хорватам, – это, как правило, заимствования из других языков, составляющие очень небольшой процент слов в речи и большинстве текстов и поэтому почти не мешающие взаимопониманию. Романист и лексикограф Аугуст Ковачец также указывает на множество различий, например, в названиях домашней утвари и блюд (но это опять же в основном заимствования), и на существование целых словарей различий двух языков. Стремление к сербско-хорватскому языковому единству, начавшееся в XIX в., он считает ошибочным и нереальным. Мнения о полной самостоятельности хорватского языка придерживается и Хорватская академия наук и искусств (Portal... 2011).

Кроме того, очень сильны хорватско-сербские противоречия не только из-за событий Второй мировой войны, но и из-за недавней истории. Хорваты в основном называют войну с сербами в 1991–1995 гг. Отечественной, направленной на освобождение части своей территории, оккупированной сербскими военными формированиями, и 53 % хорватов, по опросам, обвиняет в начале войны именно сербский народ, а 29 % – Слободана Милошевича (Skoko 2010: 145–147). Многие же представители сербского народа утверждают, что хорватские сербы имели право отделиться от Хорватии и остаться вместе с остальными сербами в Югославии, которую они считали своей страной. Эти противоречия тоже вносят вклад в стремление хорватов искусственно увеличить языковые различия.

* * *

В соседней Боснии и Герцеговине славяне-мусульмане в основном считают свой язык одинаковым с сербским и хорватским. Однако они не хотят назвать его тем же именем, что сербы или хорваты. При этом они также отказываются от традиционного «сербохорватский», так как не чувствуют себя ни сербами, ни хорватами, и используют понятие «боснийский язык». Кроме того, по их утверждениям, не только мусульмане, но и сербы и хорваты Боснии и Герцеговины тоже говорят на боснийском языке, потому что Босния, по их мнению, веками существовала как единое целое и ее населял один народ, который до прихода Османской империи ис-

поведовал христианскую ересь богомилства, а в османский период постепенно от нее отошел и стал исповедовать три веры, что сохранилось и сегодня. Сербь же считают, что боснийские мусульмане говорят на сербском языке, так как они произошли от сербов, что мусульмане принять отказываются.

Боснийский язык был официально кодифицирован в 1996 г., когда в Сараево была издана первая «Орфография боснийского языка». Фактически между боснийским и сербским языками нет вообще никаких отличий (даже таких небольших, как в хорватском), за исключением некоторых малоупотребительных слов и минимальных различий в произношении. Однако мусульманские публицисты пытаются создать отличия искусственно, массово внедряя в лексику боснийских официальных документов и интернет-порталов фактически ушедшие из употребления турцизмы и хорватскую лексику, а также усиленно используя звук «х» в тех словах, в которых в Сербии и Хорватии он исчез (Сотировић 2009). Некоторые боснийские лингвисты, в частности автор десяти томного «Словаря боснийского языка» Джевад Яхич, всячески подчеркивают самостоятельность своего языка. Для них отсутствие лексических различий с сербским не играет роли; главное, что боснийский язык после обретения независимости от Югославии развивается в другом направлении от сербского. При этом имеющиеся микроскопические отличия в произношении и словоупотреблении провозглашаются ими исключительно важными и обусловленными долгой историей боснийских мусульман (Klix 2011; Vijesti.ba 2015).

Боснийский лингвист и политик Яхья Фехратович объясняет возникновение общего с сербами литературного языка тем, что сербы в первой половине XIX в. под руководством лингвиста и писателя Вука Караджича взяли с территории Герцеговины местный диалект боснийского языка, присвоили его, назвав «сербским языком», и целенаправленно внедрили в качестве официального, при этом отказавшись от собственного литературного языка, который основывался на церковнославянском. Я. Фехратович, впрочем, признает общность народного разговорного языка у сербов, хорватов и боснийских мусульман. Как он пишет, различные сербские организации и институты и сегодня отрицают существование боснийского языка, не хотят признать, что современный сербский язык вырос и развился из боснийского, и провозглашают этот язык

и другие достижения боснийской культуры сербским наследием из-за своей ревности и зависти к выдающимся достижениям народа Боснии (Fehratović 2013; 2017).

Вследствие роста межнациональной напряженности и очень большой обиды на сербов из-за недавней войны (об этом говорилось выше) у части рядовых боснийских мусульман возникла потребность доказать, что у них с сербами нет ничего общего. Но для этого надо объяснить, откуда тогда взялся общий с сербами язык, единство которого очевидно всем. В результате возникла и стала распространенной в народе теория, что боснийские мусульмане якобы настолько резко отличаются от сербов, что даже их генетика совершенно не совпадает с сербской, потому что они произошли вовсе не от славян, а от автохтонного боснийского населения – иллирийцев, которое, правда, все-таки заимствовало у пришельцев – южных славян – их язык, называемый мусульманами «боснийским» (Zubanović 2015). Обычные боснийские мусульмане в значительной своей части даже убеждены, что и разговорный язык сербов до XIX в. резко отличался от боснийского, а потом сербы постепенно забыли свой язык и перешли на боснийский.

Конечно же, серьезные исследования опровергают доморощенные представления рядового мусульманского населения, что сербы якобы изначально говорили на каком-то другом языке, пока не присвоили боснийский язык, и свидетельствуют, что общий язык у предков современных сербов, боснийских мусульман, черногорцев и части хорватов, безусловно, существовал задолго до XIX в. Еще в X в. он употреблялся на территории современной Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, где правили сербские династии, и в последующие века оставался полностью единым на всей этой территории. Все инновации, возникавшие в каком-то одном месте (как правило, в Сербии), быстро распространялись на всю остальную территорию этого языка, что весьма неожиданно, учитывая политическую раздробленность и серьезные географические барьеры в виде высоких и труднопроходимых гор. До сих пор этот язык – практически один и тот же на всей своей обширной территории. Поэтому, без сомнения, общий язык у сербов и боснийских мусульман существует из-за их общего происхождения.

В боснийском обществе имеются и другие тенденции, приводящие к желанию полностью отделиться от сербов, в том числе в этнолингвистическом плане. По мнению эксперта по терроризму Джевада Галияшевича, из-за деятельности Партии демократического действия и лично А. Изетбеговича множество верующих боснийских мусульман начинают отождествлять свою идентичность в первую очередь с религией и отказываются считать свой народ частью европейской цивилизации. Они начинают полагать, что принадлежат только к исламскому миру и не имеют ничего общего со своими «вечными и непримиримыми врагами» – сербами. Поэтому им гораздо ближе и роднее жители далеких стран (например, Судана и Чада), коренным образом отличающиеся от них по языку, традициям и менталитету, которых они никогда не видели и не увидят, чем сербы, с которыми они сталкиваются каждый день, только потому, что суданцы и чадцы – мусульмане, что, с его точки зрения, абсурдно (Galijašević 2016).

Хорватские националисты, которые считают хорватский язык самостоятельным, убеждены, что боснийского языка не существует и он представляет собой продолжение хорватского, поскольку боснийские мусульмане, по их мнению, на самом деле все являются исламизированными хорватами, а сама Босния и Герцеговина – тоже естественное продолжение Хорватии. Один из хорватских политиков-националистов, Анте Ковачевич, заявил, что Босния – колыбель хорватского самосознания, а БиГ и Хорватия – геополитическая, цивилизационная, духовная целостность: одна без другой не может существовать. Он также выступает категорически против Республики Сербской, поскольку она создана «на хорватской земле» (Republika 2011). Такие идеи существуют в Хорватии очень давно. Еще в 50-х гг. XIX в. их выдвинул очень известный общественный деятель, политик и главный идеолог хорватского национализма Анте Старчевич, который выступал за создание независимой Хорватии и к тому же всячески подчеркивал самостоятельность хорватского языка и называл югославянскую идею самой большой опасностью для хорватов. По его словам, именно боснийские мусульмане в наибольшей степени сохранили хорватский дух (Dijanović 2012).

* * *

Говоря о черногорцах, следует сказать, что они на бытовом уровне тоже считают свой язык таким же, как сербский, хотя некоторые из них и настаивают на его самостоятельности. На самом деле между сегодняшним сербским и черногорским языками различий почти нет, и даже до вхождения Черногории в состав Югославии, в XIX в., они были небольшими и совершенно не мешали взаимопониманию, что подтверждается, например, языком поэмы «Горный венец», написанной в первой половине XIX в. черногорским правителем Петром II Петровичем Негошем. Поэтому даже те черногорские лингвисты, которые считают правильным называть свой язык черногорским (например, Воислав Никчевич, который впервые в Югославии в 1968 г. заговорил о необходимости признания черногорского языка), соглашаются с тем, что фактически он почти ничем не отличается от сербского и что со строго лингвистической точки зрения четыре рассматриваемых народа говорят на одном, общем для всех языке. Но поскольку существует черногорская нация со своим государственным образованием и культурными особенностями, она должна назвать «часть» этого языка так, как сама считает нужным. То же самое, по его мнению, справедливо для хорватского и боснийского языков, хотя они по сути не отличаются от сербского, но два народа-носителя не хотят отождествлять себя с сербами и поэтому также имеют право назвать общий для всех язык в соответствии со своей национальностью (Arsenić 2000). По опросу, проведенному в 2014 г., 41,1 % граждан Черногории назвали свой язык черногорским, 39,1 % – сербским, а 11,5 % ответили, что все равно, как его называть, потому что все это – одно и то же (Pobjeda 2014).

* * *

Самый многочисленный народ бывшей Югославии, сербы, считают, что все четыре рассматриваемых народа говорят на одном языке, однако в заметной своей части убеждены, что этот общий язык произошел из сербского, так же как и остальные народы, говорящие на нем, произошли от сербов. Один из ведущих сербских лингвистов Милош Ковачевич не только считает, что все четыре народа говорят на одном языке, но и утверждает, что сам этот язык должен называться не иначе как «сербский» (даже не «сербохорватский»), поскольку, как отмечает Ковачевич, хорваты взяли ли-

тературный язык у сербов, несколько его изменив). А хорватский, боснийский и черногорский языки, как отмечает Ковачевич, чисто политические конструкторы, и нет никаких научных оснований, чтобы провозгласить их самостоятельными языками: сербский язык не может «размножиться делением» из-за политического решения других народов назвать его каким-то другим именем. Первым памятником на сербском народном языке он считает грамоту боснийского бана (правителя) Кулина 1189 г. То есть, на его взгляд, боснийские мусульмане (равно как и черногорцы и часть хорватов) произошли от сербов и унаследовали их язык (Радисављевић 2013). Его коллега Драго Чупич, директор Института сербского языка и литературы, родившийся в Черногории, называет хорватский, боснийский и черногорский языки «суррогатами». Что касается черногорской проблемы, он говорит, что черногорская нация и черногорский язык были созданы Коммунистической партией Югославии с целью ослабить сербский национальный корпус, а до этого, по его словам, черногорцы чувствовали себя сербами, называли свой язык сербским, а государство Черногория, существовавшее до 1918 г., носило чисто сербский характер. Хорватская интеллигенция восприняла сербский язык, как он полагает, для того чтобы легче объединить свою нацию, говорившую на разных южнославянских языках, а также чтобы впоследствии на базе общего языка объединиться с сербами и распространить среди них католическую веру (Milosavljević 2008).

Собственно сербохорватский литературный язык был создан в начале XIX в. В. Караджичем, который целенаправленно лишил сербский литературный язык большей части церковнославянских (древнеболгарских) слов, усвоенных сербами от их соседей-болгар еще в раннее Средневековье, а чтобы заполнить образовавшиеся лакуны, ввел вместо церковнославянизмов народные сербские эквиваленты; он и его последователи также придумали много новых слов таким образом, чтобы они как можно сильнее отличались от болгарских. В язык активно начали входить заимствования из западных языков. Тем самым В. Караджич радикально отделил сербский литературно-книжный язык от болгарского, которые до этого были практически одинаковыми. Болгары же продолжили ориентироваться на церковнославянскую лексику (Ивић 1994). Обратный процесс сближения сербского и болгарского литературного языков,

который представлялся бы вполне естественным из-за довольно протяженной общей границы, общности происхождения, культуры и религии, не начался до сих пор. Наоборот, отличия между ними за XIX–XX вв. еще увеличились.

Литературные традиции хорватов, муслиман и черногорцев основаны на том же самом «языке Вука» – хорватские, муслиманские и черногорские публицисты, писатели и политики постепенно переняли составленную им лексику, хотя хорваты старались заменять западные заимствования словами из славянских корней (Ивић 1994). В Хорватии среди деятелей литературы первой половины XIX в. было очень сильно движение иллиризма, сторонники которого стремились к южнославянскому единству и хотели сблизить местный язык с сербским. Литературный стандарт В. Караджича с некоторыми изменениями, отражающими местный диалект, ввел в середине XIX в. лингвист и общественный деятель, лидер движения иллиризма Людевит Гай (Кулаковский 1894).

Единство языков используется частью сербов для обоснования своих политических претензий. Сербские националисты открыто говорят, что хотят создать «Великую Сербию», куда вошли бы центр и юг Хорватии, вся Босния и Герцеговина, Черногория и Македония (Kirić 2013). По их мнению, все проживающие в бывшей Югославии южнославянские народы, кроме хорватов Северной Хорватии, произошли от сербов и поэтому обязательно должны быть в составе сербского государства, а нынешнее их разделение неестественно, потому что возникло в результате вековых интриг и происков врагов сербского народа (к ним националисты относят Ватикан, а также и югославских коммунистов, по их мнению, занимавших открыто прохорватские позиции), которые целенаправленно создали из местных сербов отдельные нации от хорватской до македонской (Васельенска ТВ 2014а). Выдающийся сербский националист Воислав Шешель, который назвал создание «Великой Сербии» смыслом существования своей партии (Васельенска ТВ 2014б), долгое время играл очень большую роль в сербской политике, а в среде сербской молодежи достаточно популярен и сейчас. В 1996–1997 гг. он занимал пост главы Земуна (большой и важный район Белграда), а в 1998–2000 гг. был вице-премьером Сербии, и его партия входила в правительство. В мае 2008 г. партия на внеочередных выборах набрала 29,5 % голосов и могла бы прийти

к власти в стране, если бы вскоре не распалась (Филимонова 2008). В настоящее время партия В. Шешеля имеет гораздо более низкий рейтинг, получив 8,1 % голосов на последних выборах 2016 г., но все же остается крупнейшей оппозиционной партией (Vreme 2016). Националисты склонны рассматривать македонцев как часть сербского народа, а македонский язык – как южный диалект сербского из-за того, что они взаимопонимаемы. Сербская радикальная партия при этом декларирует полное уважение ко всем традиционным религиям, в том числе католицизму и исламу, и считает, что народы будущей «Великой Сербии» должны иметь полное право исповедовать ту религию, которую любят, или не исповедовать никакой (Kurić 2013). Другим важным движением сербских националистов является монархическое движение «Сербский Образ» под руководством Младена Обрадовича, которое пользуется поддержкой части Сербской православной церкви и говорит о необходимости создания сербского национального государства в виде абсолютной теократической монархии на территории «от р. Купа до р. Вардар, и от Дуная до Адриатического моря» (Јакшић 2009), то есть практически на тех же самых территориях, что и Сербская радикальная партия.

* * *

Теперь можно рассмотреть совершенно другую языковую ситуацию. В Хорватии существует так называемый чакавский идиом, официально называемый диалектом, который в настоящее время стремительно вымирает и сохранился на крайне небольшой территории (область Истрия и хорватские острова; вместе они составляют всего около 10 % площади Хорватии). Но и там он находится под угрозой поглощения официальным языком. Чакавский официально не считается отдельным языком. Даже его название – абсолютно искусственное, образовано от слова «что», которое на диалекте звучит как «ча»; в то время как у хорватов, говорящих на сербохорватском, – «што», поэтому их еще называют штокавцами, а их язык – штокавским. Хотя на бытовом уровне его отличия от сербохорватского больше, чем, например, у сербохорватского от болгарского, самостоятельность которого никем не оспаривается. По списку Сводеша у хорватского с чакавским (говоры села Орбаничи в Истрии и села Орлец на острове Црес в Северной Далмации) тот же самый процент совпадений, что с болгарским, – 92 %

(рассчитано по: Вавилонская Башня 2017; Саенко 2013). По нашему наблюдению, среди других достаточно частых слов, не вошедших в список, чакавские слова в целом отличаются от сербохорватских даже сильнее, чем болгарские. При этом чакавский очень архаичен и сохраняет исконную древнеславянскую лексику, часто одинаковую с современным русским, который тоже достаточно консервативен (Толстой 1997); в то время как в сербохорватском и болгарском в период, когда они еще не распались и представляли собой один язык, произошли общие инновации, частично заменившие эту старую лексику. В российской лингвистике чакавский, как и кайкавский (о нем речь пойдет ниже), считаются отдельными языками (микроязыками [Дуличенко 2005]). Тем не менее носители чакавского в своем большинстве сами не хотят признавать свой фактически отдельный язык как самостоятельный, никак не отделяют себя от хорватов, они весьма лояльны к хорватскому государству. Впрочем, стремление к регионализму и определенной автономии присутствует среди заметной части населения Истрии (что можно объяснить ее теснейшими связями с Италией и отделенностью от остальной части Хорватии до 1945 г.), однако и там в ходе войны 1991–1995 гг. жители выступили против Югославской народной армии и за сохранение своей земли в составе Хорватии (Bellamy 2003).

На самом деле чакавский собственно и был изначальным языком хорватского народа и языком хорватской литературы периода ее расцвета (XV–XVI вв.; тогда он даже назывался «хорватский язык» [Дуличенко 2005]) и был распространен с VII до XVI в. на большей части современной Хорватии (в том числе практически во всей Далмации) до массовой миграции в нее огромного количества населения из Боснии, спасавшегося от погромов турок, которое говорило на сербохорватском языке и ассимилировало значительную часть тех, кто говорил на чакавском, хотя сами эти боснийские переселенцы стали считать себя хорватами. Само чакавское население, спасаясь от нашествия турок, массово мигрировало из Южной и Центральной Далмации на острова и в Истрию, а многие – за пределы Хорватии, в Центральную Европу. Поэтому в настоящее время между чакавским и сербохорватским языками наблюдается очень резкая граница, тогда как до XVI в. она была плавной, с большим количеством переходных говоров.

По политическим причинам (в первую очередь желание сблизиться с сербами у хорватской интеллектуальной элиты) в XIX в. именно сербохорватский, а не чакавский стал литературным хорватским языком. В XX в. ассимиляция, а также эмиграция из Хорватии резко ускорилась, и сегодня численность говорящих на чакавском стала очень небольшой. Таким образом, в Хорватии к настоящему времени произошло почти полное вытеснение собственного языка более поздним, пришедшим из другой страны. Однако сегодня большинство хорватов воспринимают именно официальный, пришлый язык как естественное средство общения и неотъемлемую часть идентичности хорватского народа, в то время как чакавский находится в глубоком упадке. Только за последние 100 лет в Хорватии доля говорящих на чакавском упала в два раза – с 23 % до 12 % (Šarac 2015). В крупных хорватских (когда-то полностью чакавских) городах далматинского побережья уже почти никто не говорит на чакавском. Молодые люди, которые с колыбели говорят на нем, в школах и университетах учатся на официальном языке, а также часто покидают свои бедные и депрессивные регионы, переселяясь в большие хорватские города (а многие – и за границу), и полностью забывают свой родной язык.

Очень важно стараться сохранить чакавский язык, который сыграл огромную роль в истории хорватов и Хорватии. Представляется необходимым признать его фактическое отличие от сербохорватского и провозгласить отдельным языком, нуждающимся в срочной защите, а также повысить его статус, сделав или региональным языком в местах компактного проживания носителей в соответствии с Европейской хартией региональных языков, или даже вторым государственным языком Хорватии; начать создавать на нем разнообразные СМИ, от радио и телевидения до газет и журналов на разные темы. Надо принять меры и по популяризации этого языка среди хорватов, чтобы к нему существенно возрос интерес; это значительно расширит круг читателей у творческой интеллигенции, пишущей на чакавском языке. Если бы хорватские лингвисты вместо искусственного увеличения различий с сербским языком (которые, несмотря на всю их деятельность, все равно остаются крайне небольшими) направили свои усилия прежде всего на оживление исчезающего чакавского языка, темпы его исчезновения можно было бы существенно замедлить.

В Северной Хорватии существует и другой микроязык – кайкавский, который на официальном уровне тоже считается диалектом; однако ситуация с ним несравнимо более благополучна (Šarac 2015), поэтому в таких мерах защиты он, по крайней мере в настоящее время, не нуждается. Фактически кайкавский язык, по утверждениям лингвистов, гораздо ближе к словенскому, чем к хорватскому, и до сих пор основные кайкавские слова мало отличаются от словенских; даже свое название он получил по местоимению «кай», которое означает «что»; это местоимение в славянском мире существует только в кайкавском и словенском. Кайкавцы отделились от словенцев в VIII в. после завоевания Словении франками, и с этого времени словенско-хорватская граница практически не менялась, оставаясь самой стабильной в южнославянском мире. Носители кайкавского языка тоже весьма лояльны к Хорватии и не мыслят себе никем иным, кроме как хорватами. На их национальные чувства влияет и то обстоятельство, что столица страны – г. Загреб – находится в самом центре кайкавской области. В целом можно сказать, что, несмотря на существенные языковые различия, хорваты-штокавцы, чакавцы и кайкавцы в основном считают себя единым народом, а Хорватию – своим общим домом. По всей вероятности, их объединению способствовала общая история (в частности, многовековое нахождение в составе Австро-Венгрии и восприятие через нее западной культуры и менталитета), а также общая религия – католицизм. Хорватская ситуация особенно резко контрастирует с боснийской, где три народа одного и того же происхождения и языка, но разных религий, проживая на небольшой территории, никак не могут договориться о политической судьбе своего государства, а два из них в своем большинстве вообще мечтают выйти из его состава.

* * *

Македонской этноязыковой ситуации в данном исследовании будет уделено больше места, чем описанным выше, поскольку именно в XX в. произошло весьма существенное изменение языка и идентичности македонцев, в то время как у других народов подобные процессы в основном произошли гораздо раньше, и поэтому их подробное рассмотрение выходит за рамки данной статьи.

Македонцы еще в XIX – начале XX в. считали себя в значительной своей части болгарами, что отмечали и российские исследователи.

дователи, прошедшие длительное время в Македонии, в частности Виктор Григорович (1877), и ведущие македонские общественные деятели, ученые и публицисты (Димитр Миладинов, Кузман Шапкарев, Григор Пырличев и др.), которые сами активно боролись за вхождение в состав Болгарии. Многие из них, как и некоторая часть обычного народа, переселялись в освобожденную Болгарию (см.: Църнушанов 1992). В XIX в. Македония воспринималась российскими учеными-болгаристами, военными и политическими деятелями как естественное продолжение Болгарии; поэтому и возникла идея создать Сан-Стефанскую Болгарию, которая бы обязательно включила в свой состав Македонию (Айрапетов 1998), что до сих пор является мечтой многих простых болгар. В 1872 г. более двух третей македонцев на референдуме, организованном турецким султаном, проголосовали за присоединение к Болгарской православной церкви (Струкова 2004). До этого они были вынуждены ходить в Греческую церковь, литургия в которой была им непонятна. Впрочем, в начале XX в. имелось и течение, выступавшее за полную независимость Македонии и утверждавшее о существовании отдельного македонского народа со своим языком (Ямбаев 2003), однако оно было численно небольшим. Кроме того, очень многие сельские жители Македонии того времени из-за столетий турецкого правления и отсутствия болгарских национальных институтов и возможности получить образование не знали, кто они по национальности, и называли себя просто «православные» (Струкова 2004: 86–88). Огромную роль в развитии болгарского самосознания в Македонии сыграл выдающийся македонский болгарин, наместник болгарского экзарха в Македонии, а впоследствии (1896–1904 и 1920–1922 гг.) – митрополит болгарской области Стара-Загора Методий Кусев, усилиями которого в Македонии в 1880-х гг. при согласии турецких властей была создана разветвленная сеть болгарских гимназий, семинарий, профессиональных училищ и школ, которые появились почти в каждом селе. В 1890 г. М. Кусев, находясь в Петербурге, сумел убедить российских ученых в болгарском происхождении македонцев, опираясь на исторические факты и реалии своего времени, и полностью разбил аргументы сербского посла Джордже Симича о праве сербов на Македонию, а сам посол был вынужден покинуть собрание (Църнушанов 1992).

В конце XIX – начале XX в. в Македонии развернулось революционное движение против турецкой оккупации, которое начала созданная в 1893 г. ВМРО. Движение было в основной своей части выражено проболгарским, его основные лидеры (например, Гоце Делчев и Даме Груев) называли себя болгарами и были обеспокоены ростом сербской пропаганды, которая стремилась убедить македонцев в их сербском происхождении (Църнушанов 1991а; Ямбаев 2003). Но в 1912 г. Македония была завоевана сербами. Сербская администрация провозгласила Македонию Южной Сербией, а македонских болгар – «настоящими сербами», запретила болгарские имена и фамилии, книги на болгарском языке, болгарскую прессу, изгнала болгарских учителей и священников, поставив на их места сербов. Так пробовали ассимилировать македонских болгар (см., например: Косик 2014: 196; Кусев 1913). Болгарские епископы Македонии вручили российскому послу в Софии протестное письмо, в котором с возмущением отзывались о мерах сербской администрации, запретившей им руководить своими верующими. Сербскими войсками в Македонии было совершено множество ограблений, в некоторых деревнях были убиты десятки и сотни жителей. Целый ряд болгарских и албанских сел были сожжены. В г. Охрид были разрушены целые кварталы. Сербские власти отказались ввести в Македонии действовавшую в стране конституцию и установили жесткий оккупационный режим. Действия власти шли вразрез с ее же пропагандой о сербском характере македонцев. Оппозиционная сербская пресса писала, что если уж правительство считает македонцев сербами, то оно должно дать им те же права, которыми пользуются сербы, давно живущие в Сербии (Carnegie... 1914). По словам М. Кусева, сербская власть вела себя в Македонии хуже турок, которые, несмотря на то что периодически убивали и грабили македонцев, хотя бы позволяли им получать образование на своем языке, сохранять свои имена и фамилии, печатать свои книги и ходить в свою церковь. Сербская же власть, по его словам, отнимает у своих новых подданных не только тела, но и души, силой заставляя их превращаться в сербов и нанося болгарам огромную рану, поскольку Македония имеет колоссальное значение для всех болгар и является своего рода символом Болгарии, ведь города Скопье и Охрид – исторически важнейшие болгарские культурные и религиозные центры (Кусев 1913).

Всего через два года после захвата Македонии идентичный насильственный процесс, только уже направленный против сербов, произошел в важнейшем экономическом и культурном центре сербов-католиков – городе Дубровник. Впрочем, доля сербов и хорватов в нем неизвестна, но совершенно очевидно, что сербы-католики составляли там очень большой процент населения и особенно элиты. В 1914 г. там произошел погром, весьма сходный с тем, что устраивала сербская администрация в Македонии, в ходе которого радикально настроенные хорватские активисты уничтожали сербские редакции газет, школы, дома, хозяйственные объекты, а местная сербская элита была подвергнута истязаниям и брошена в тюрьмы (Србин.инфо 2013).

На короткое время, в 1915–1918 гг., болгарские войска освободили Македонию. Прибывшая туда в 1916 г. болгарская научная экспедиция в своем отчете сообщила, что ей удалось доказать чисто болгарский характер не только македонцев, но и горанцев, которые тогда называли себя болгарскими-мусульманами и просили их защитить от нападений вооруженных албанцев (вообще в XVIII и особенно в XIX в. албанцы активно вытесняли македонцев из Северо-Западной Македонии, и в начале XX в. все еще случались грабежи и убийства славянского населения, но после появления там болгарских войск это прекратилось). После Балканских войн, частично из-за действий части сербских войск, а частично из-за нежелания жить под сербской властью, регион покинули многие турки, албанцы и болгары, которые после 1915 г. постепенно начали возвращаться. Местные крестьяне тепло встречали ученых и пели болгарские песни (Радев 1993).

В 1918 г. Королевство Югославия восстановило контроль над этой областью, после чего репрессии над македонцами возобновились. По словам французского политика и дипломата Анри Поззи, посетившего Югославию (в том числе Македонию) в середине 1930-х гг., македонцы там подвергались тотальной слежке, преследованиям, их массово без суда бросали в тюрьмы, где подвергали пыткам, от которых многие умирали, а детей в школах иногда били до крови, если они говорили друг с другом на своем родном языке. Крестьян заставляли платить огромные налоги и сурово наказывали за малейшую задержку их выплаты. В народе зрело огромное недовольство. В первые годы правления сербов колоссальное ко-

личество македонцев, не желая жить под их властью, бежали в Болгарию, однако вскоре граница была полностью закрыта. В регионе были уничтожены следы болгарского культурного присутствия – церкви и монастыри были ограблены, а все их ценные реликвии увезены в Белград; невозможно было найти книгу или журнал на болгарском, а за письма на этом языке могли посадить в тюрьму. Медико-санитарное состояние населения было исключительно тяжелым: в старых кварталах Скопья лежали груды мусора, а у городской больницы, где не было даже самого необходимого оборудования, стояли целые толпы больных инфекционными и паразитарными заболеваниями, которые вызывали огромную смертность среди македонцев. Сербские же чиновники в Белграде лгали Анри Поззи, что в Македонии все замечательно, здоровье у населения отличное, никакое насилие к нему никогда не применяется, а сами македонцы чувствуют себя настоящими сербами и рады тому, что живут под сербской властью. Поззи, в принципе относившийся к сербам с большой симпатией, под впечатлением увиденного написал, что произвол сербской администрации по отношению к жителям Македонии – это позор сербскому государству. Сама эта администрация состояла из людей без моральных принципов, грабивших и мучивших местное население (Pozzi 1994 [1935]). Однако еще к началу 1940-х гг. заметная их часть сохраняла четкое болгарское самосознание. Еще до прихода болгарских войск местные политики и интеллектуалы в г. Скопье самостоятельно организовали Болгарский центральный акционный комитет Македонии, который заявил о немедленной готовности македонцев присоединиться к Болгарии. Множество местных жителей в апреле 1941 г. повсюду с цветами и запрещенными в Югославии болгарскими флагами встречали болгарскую армию, которая даже не могла свободно продвигаться из-за обилия радостно встречавших ее людей (Гочев 2010). Новая болгарская администрация вложила огромные деньги в социально-экономическое развитие Македонии, чтобы улучшить уровень жизни людей. Было построено множество школ, больниц, библиотек, дорог, промышленных предприятий, были прорыты каналы, благоустроены деревни. Из Болгарии для местного населения привезли несколько миллионов тонн еды (Леонидов 2015). В Македонии, впрочем, активно действовали и сторонники югославских партизан, которые в итоге и овладели этой

территорией, и болгарская администрация уже в 1944 г. была вынуждена ее покинуть.

Коммунистические власти в Югославии, в отличие от сербских королей, отказались от политики сербизации, сделали ставку на тех македонцев, кто считал себя отдельной национальностью, и стремились распространить македонскую национальную идентичность среди всех славян Македонии. Эта идея была не нова. Еще в конце XIX в. сербский географ и этнограф Йован Цвиич говорил, что македонские славяне – люди с неопределившейся национальностью, из которых можно легко сделать и сербов, и болгар, но Македония больше нужна Сербии из-за ее выгодного географического положения. Видный сербский ученый и государственный деятель Стоян Новакович считал, что открытая сербизация македонцев, у которых было глубоко укоренено болгарское самосознание, неэффективна, а оторвать македонцев от болгар и приблизить к сербам нужно путем внушения, что они не являются ни сербами, ни болгарами, это отдельный народ с собственным языком, причем сербы – их лучшие друзья, а болгары – злейшие враги; он предлагал создание самостоятельной Македонской православной церкви и постепенную сербизацию местного диалекта (Църнушанов 1991a), который местные авторы начала XIX в. называли «простейшим и некнижным языком болгарским» (Селищев 1981б: 2).

Коммунистическая власть всецело последовала по пути С. Новаковича. В 1944 г. по директиве македонского отделения югославской компартии был создан македонский литературный язык на основе местного диалекта, но с сербским, а не с традиционно принятым в Македонии болгарским вариантом кириллицы и с огромным количеством сербских заимствований из литературного сербохорватского, чтобы отделить его от болгарского литературного языка и устранить угрозу проболгарского сепаратизма. Особенно активно в этом направлении действовали Лазар Колишевски, активист югославской коммунистической партии, который во время войны боролся с проболгарски настроенными македонскими коммунистами, а с 1945 г. на несколько десятилетий стал главой социалистической Македонии, и Блаже Конески – председатель Македонской академии наук и искусств, автор сочинений по грамматике и истории македонского языка; есть мнение, что он для утверждения македонской идеологии прибегал к фальсификациям ряда бол-

гарских работ (см.: Църнушанов 1991б: 21–28). Сразу после войны новыми, крайне антиболгарски настроенными властями республики были проведены широкомасштабные репрессии против тех, кто участвовал в работе болгарской администрации или просто открыто называл себя болгарами. По некоторым данным, всего в социалистической Македонии было убито 22 тыс., а брошено в тюрьмы 144 тыс. человек, которые ощущали себя болгарами (Коларов 2015). В 1967 г. была создана и Македонская православная церковь. По утверждению македонского журналиста Виктора Канзурова, который ощущает себя болгаринком (в конце 1980-х гг. он сам был арестован за проболгарские позиции), в послевоенной Югославии на всех уровнях, в том числе и в школах, развернулась активная проюгославская и антиболгарская пропаганда и произошла полномасштабная фальсификация истории, когда документально подтвержденную болгарскую национальную идентичность исторических деятелей Македонии искусственно заменяли на македонскую и успешно убедили в этом основную массу македонцев. В результате, продолжает В. Канзуров, в настоящее время почти все македонцы считают себя самостоятельным народом и лишь откровенное меньшинство помнит о болгарской идентичности своих предков (Добрев 2007). Однако в то же время произошло и весьма позитивное изменение: коммунисты впервые с 1912 г. разрешили македонцам обучаться в школах на их родном языке, статус которого взлетел от фактически запрещенного вне семейного круга до одного из семи официальных языков Югославии. На нем стали свободно издаваться книги и журналы и даже возникло радио- и телевидение (Baltic 2007).

Болгарские лингвисты, как правило, до сих пор считают македонский язык неотъемлемой частью болгарского языка; так, специалисты Института болгарского языка при Болгарской академии наук утверждают, что македонский язык был создан искусственно на базе местных западноболгарских говоров, широко распространенных и в самой Болгарии (БАН 1996). Македонцы же это признать отказываются. Македонские ученые говорят, что македонские славяне – потомки античных македонцев (наиболее известные их представители – Филипп и его сын Александр Македонский), которые в раннее Средневековье смешались со славянскими переселенцами и усвоили славянский язык. По их мнению, византийцы

Кирилл и Мефодий и их ученики, например, Климент и Наум Охридские (которые, как они считают, были по национальности вовсе не болгарами, а македонцами), создали на базе местных диалектов церковнославянский – «древнемакедонский» литературный язык (Апостолски 1969) и затем дали его болгарам – «пришельцам тюркского происхождения» (Трајковски 2013). Так пытаются объяснить единство македонского и болгарского языков те македонцы, которые осознают это единство.

Некоторые македонские лингвисты, например Веселинка Лабровска, всячески подчеркивают языковые различия между македонским и болгарским языками (Тоевски 2014), часть которых обусловлена большей архаичностью македонского по сравнению с литературным болгарским, который в ходе своего развития был склонен к различным инновациям, вытеснившим некоторые общеславянские корни. Поэтому, по нашему наблюдению, отличающиеся от болгарских македонские слова, как правило, совпадают с сербохорватскими, чакавскими, а иногда и русскими, а соответствующие болгарские слова представляют собой явные инновации⁶. Но все равно, как уже отмечалось раньше, эти лексические различия совершенно недостаточны для признания македонского самостоятельным языком со строго лингвистической точки зрения. Впрочем, такого рода различия, возникшие естественным путем, составляют явное меньшинство, а в основном отличия от болгарского обусловлены внешним (сербским) влиянием. Ведь множество сербских заимствований за восемь десятилетий существования Македонии в составе Югославии проникли и в литературу, и в речь обычных македонцев, вытеснив исконные слова, идентичные болгарским. В Македонии стали широко распространены и типично сербские имена (см.: Църнушанов 1991*a*). Кроме того, сильнейшее сербское влияние македонский язык испытал еще в Средневековье – после первого сербского завоевания Македонии (северную часть Македонии со Скопьем присоединил король Стефан Урош II Милутин в 1282 г., а к 1332 г. царь Душан Сильный полностью завоевал ее), и это влияние продолжалось через Сербскую церковь

⁶ Интересно, что болгарско-македонская ситуация в этом плане идентична с сербско-хорватской, когда западная и меньшая по населению территория (соответственно Македония и Хорватия) хранит более архаичную языковую норму, а восточная, где проживает большинство носителей языка (Болгария и Сербия), постоянно производит инновации.

и сербскую литературу еще несколько веков, когда в язык проникли даже многие простые сербские слова. Усвоению сербских слов и даже некоторых сербских звуков способствовал приток сербских переселенцев, а также стремление грамотных македонцев подражать сербам. Это признают и некоторые сербские лингвисты (см. об этом: Селищев 1979; 1981a: 132–139). Этими, а также последующими в XX в. заимствованиями во многом и объясняется очень хорошее взаимопонимание носителей македонского и сербского языков; эти сербизмы воспринимаются многими македонцами как исконные слова и часто непонятны болгарам, хотя все же не составляют им серьезных препятствий в общении с македонцами.

Говоря о болгаро-македонских языковых отношениях, надо отметить, что, по нашему наблюдению, почти все местоимения в македонском литературном языке и сегодня не отличаются от болгарских (но при этом очень многие существенно разнятся с сербскими). Даже между литературным сербским языком и его южным призренско-тимокским диалектом местоимения отличаются в заметной степени, чем между болгарским и македонским, хотя призренско-тимокский диалект никто не считает отдельным языком. А ведь местоимения – один из важнейших элементов языка, и они очень редко заимствуются (см. об этом: Майтинская 1969).

Тем не менее до сих пор очень многие сербские политики и публицисты игнорируют все факты о македонском языке (или просто ничего о них не знают) и продолжают считать Македонию старой сербской землей, которую необходимо вернуть под контроль Сербии только на том основании, что когда-то она входила в состав сербского государства и в г. Скопье была перенесена его столица. Особенно на этом настаивают высокорелигиозные сербы. Например, православный публицист Ранко Гойкович в своих работах пытается убедить читателей, что македонский язык – диалект сербского, а македонцы в своем большинстве – часть сербского народа, не приводя при этом ни одного серьезного лингвистического доказательства и основываясь только на наличии в Македонии церквей и монастырей, построенных средневековыми сербскими властями, и на своей уверенности, что царь Душан не мог перенести свою столицу в город, где проживали несербы (Гойкович 2013). Еще один православный публицист, Ненад Благович, также без каких-

либо научных доказательств пишет о Македонии как о Южной Сербии, которую сербы имели полное право «освободить» в 1912 г., и при этом говорит о болгарях в крайне оскорбительной манере, совершенно недопустимой в публицистике, например: «звери», «монстры», «кровопийцы», которые, как он предполагает, из-за своего неславянского происхождения «в своем большинстве никогда не были готовы искренне впустить православие в свои души, иначе никогда не могли бы совершать такие зверства, какие совершали» (Благојевић 2017а; 2017б). Сербский священник и публицист Владимир Димитриевич приводит целый ряд доказательств, что Македония – все-таки сербская земля (характерно, что среди них нет ни одного лингвистического аргумента [Димитријевић 2013]), но они легко опровергаются фактами о болгарском самосознании македонцев в прошлом и явно болгарском характере исконных элементов их языка. Уже упоминавшийся М. Обрадович в своем интервью заявил: «Естественно, что Македония – сербская земля. Ведь Македония – вековая колыбель не только сербского народа, но даже и славянской письменности. Македония – это Южная Сербия» (YouTube 2013b). Сербский епископ Македонии Николай (Велимирович), занимавший эту должность в 1920–1936 гг., также утверждал о сербском характере жителей этой территории, о праве Сербии на Македонию и несостоятельности болгарских претензий на нее, при этом игнорируя лингвистические данные (хоть он и выучил македонский язык для общения с местными жителями) и приводя в качестве доказательства ее сербского характера наличие многочисленных церквей и монастырей, построенных средневековыми сербскими правителями в Македонии (Велимировић 2001), хотя очевидно, что они появились там только в результате сербского завоевания. Сербский патриарх Павел (1914–2009 гг.) заявил, что Сербская православная церковь восстановила свою Охридскую архиепископию, чтобы снова ввести канонический порядок и нормы среди верующего населения Македонии (В92 2004), хотя традиционной для них исторически является Болгарская православная церковь⁷. Историк Радован Дамьянович, основываясь на одном

⁷ Совсем недавно, в ноябре 2017 г., Македонская православная церковь в лице архиепископа Стефана (Веляновского) направила письмо к Болгарской православной церкви с просьбой стать ее церковью-матерью и защищать ее перед другими православными церквями, чтобы в конечном счете получить автокефалию от Константинопольского патриархата, на что

лишь критерии взаимопонимания, относит македонский язык к сербским говорам, а македонцев называет частью сербского народа и говорит, что Сербии надо официально назвать Македонию «единственно возможным» именем – Южная Сербия (Дамјановић 2017). Конечно же, такой антинаучный подход крайне непродуктивен и только создает проблемы в сербско-болгарских и сербско-македонских отношениях⁸.

Среди более ранних подобного рода авторов надо упомянуть сербского лингвиста Александра Белича, который в начале XX в. в русле тогдашней сербской политики заявил, что при заселении славянами Балкан в VI–VII вв. в Македонию пришли сербы, двигаясь при этом через центр и юг Албании, и открыто провозгласил македонский язык диалектом сербского. Но из-за откровенной ненаучности этого утверждения он был вынужден ссылаться на какие-то совершенно несущественные лингвистические признаки и даже явные заимствования из сербского, которые при любом серьезном анализе, направленном на установление родства языков, нельзя принимать в расчет. Российский ученый Афанасий Селищев, который провел тщательный анализ всех македонских говоров, смог полностью разбить доводы А. Белича и доказать, что предки македонцев еще при переселении на Балканы пришли туда как часть болгарского народа, а не сербского (что хорошо подтверждается языковыми данными в македонских письменных памятниках начиная с IX в., которые четко свидетельствуют о болгарском характере местного языка); сербы в то время просто не могли заселить Македонию из-за географических особенностей местности и совсем иного направления их колониционного движения, на что указывает отсутствие каких-то следов сербского

Болгарская православная церковь согласилась и обещала сделать все необходимое для признания Македонской церкви в православном мире (Нова ТВ 2017). Очень показательным, что македонская сторона обратилась за помощью именно к Болгарской церкви.

⁸ Не так давно, в январе 1992 г., сербско-болгарские отношения из-за Македонии снова оказались накалены. По словам бывшего болгарского премьер-министра Ф. Димитрова, С. Милошевич и члены его партии в то время говорили о Македонии как о неотъемлемой части сербского государства («Южной Сербии») и были категорически против ее независимости. Существовала даже угроза открытого военного конфликта: сербские войска начали сосредотачиваться на болгарской границе, готовясь напасть, если болгарская власть признает Македонию. Тем не менее Болгария по инициативе Ф. Димитрова признала независимость Македонии. В итоге вооруженного конфликта удалось избежать, возможно, потому, что внимание официального Белграда полностью переключилось с Македонии на начавшуюся тогда войну в Боснии и Герцеговине (Култура 2010).

языка в албанской топонимии и албанском языке Центральной и Южной Албании, который зато изобилует болгарскими заимствованиями из раннесредневекового периода, проникшими туда с востока – из Македонии (Селищев 1979).

Все эти факты показывают полную несостоятельность сербских претензий на Македонию, которая до изменения сознания местных жителей властями королевской, а затем и коммунистической Югославии исторически была безусловно болгарской землей, где возникла первая столица болгар – г. Охрид, был создан первый болгарский литературный язык, известный как церковнославянский, который отсюда распространился по всему славянскому миру и оказал мощнейшее влияние на русский язык (см. об этом, например: Зализняк 2012), находятся древние болгарские исторические и культурные памятники и родилось множество деятелей болгарского национального возрождения. Многих проблем, от которых страдает современная Македония, прежде всего – опасности поглощения заметной части ее территории «Великой Албанией», не существовало бы, если бы в начале XX в. она в соответствии с желанием большинства образованных македонцев вошла в состав Болгарии. Но из-за территориальных претензий Сербии на этот чрезвычайно геополитически важный регион (это долина крупной реки Вардар и возможность выхода к Греции) в Македонии запретили основные элементы болгарской культуры и таким образом отделили македонцев от болгар, что нанесло колоссальный урон болгарской нации⁹.

Ретроспектива национальной идентичности и угроза депопуляции крупнейших народов бывшей Югославии

Множество проблем, связанных с национальной и языковой идентификацией, возникает в регионе оттого, что интересующемуся населению очень часто недоступны точные научные данные о национальной принадлежности жителей того или иного региона,

⁹ Впрочем, в настоящее время официальная Болгария признает реальность существования отдельного македонского народа, уважает его желание жить в отдельном государстве и не собирается покушаться на независимость Македонии. Более того, болгарские власти оказали большую поддержку в становлении этой страны как независимого государства. Посол Македонии в Болгарии Марьян Гёрчев назвал двухсторонние отношения отличными (Новините 2016).

например, сто лет назад. Впрочем, они недоступны вообще никому, даже серьезным исследователям. Ведь получить объективные данные о национальном составе рассматриваемых стран вплоть до второй половины XX в. не представляется возможным. Так, переписи в Королевстве Югославия, состоявшиеся в 1921 и 1931 гг., вообще не содержали вопроса об этнической принадлежности, а только о вероисповедании и родном языке, причем из крупных славянских языков признавались лишь словенский и сербохорватский, к носителям которого причисляли и всех говорящих на македонском. В опубликованных результатах переписи 1931 г. даже появилась лишняя какого-либо смысла категория «югославский язык», к которому отнесли и словенский (Josipović 2015). Поэтому неизвестно, например, сколько католиков в Хорватии и сколько мусульман в Боснии считали себя в тот период сербами. Данные переписей во второй половине XX в. тоже во многом искажены. Хотя, скажем, боснийским мусульманам позволили самоопределиваться в соответствии со своим национальным чувством, но жителям Македонии с болгарским чувством по-прежнему не разрешалось назвать себя болгарами, а жителям Черногории с сербским самоопределением – сербами: их принуждали записываться македонцами и черногорцами, не обращая внимания на их настоящую самоидентификацию (см., например: Костић 1973). Поэтому неизвестна реальная динамика изменения соотношения болгар и македонцев, а также сербов и черногорцев в этих республиках. Остается верить сообщениям местных общественных деятелей о национальном составе отдельных областей в их время.

Скажем, по словам югославского политика, серба-мусульманина из боснийского города Мостар Хасана Ребца, верившего в сербское происхождение основной массы славян-мусульман, уже в 1910-х гг. почти никто из них не считал себя сербом. Четыре века османского господства привели к тому, что боснийские мусульмане, привыкнув к своему привилегированному положению и ставя на первое место религию, а не происхождение, не ощущали себя частью сербского национального корпуса и ориентировались на единоверных турок, а не на сербов в Сербии и Черногории и тем более не на Россию, на которую возлагали надежды многие сербы. Концепция исламского государства способствовала тому, что сербы исламской веры позабыли о своей сербской национальной

идентичности. Так, во время Балканских войн очень много мусульман воевало на стороне Турции. Взаимному размежеванию боснийских мусульман, католиков и православных помогала и деструктивная политика Австро-Венгрии, стремившейся максимально разделить жителей Боснии по религиозному признаку, когда был даже введен термин «мусульманский народ», чтобы противопоставить мусульман православным сербам. Однако в начале XX в. среди части мусульман постепенно возрождается идея о принадлежности к сербам, и вокруг Османа Джикича возникает просербское национальное движение. Во время Первой мировой войны основная масса боснийских мусульман, во многом под влиянием австрийской пропаганды, поддержала Австро-Венгрию и Турцию в «священной войне» против Сербии, а между мусульманской молодежью и просербским движением Джикича происходили ожесточенные столкновения (Rebas 1925). То есть уже тогда этническая ситуация в Боснии и Герцеговине была во многом сходна с современной. Ведь после распада Югославии среди боснийских мусульман, как и остальных народов Балкан, происходит резкий рост религиозности (причем это очень часто – поверхностная, внешняя религиозность, когда люди используют религию только для подчеркивания своего резкого отличия от инаковерующих соседей) и постепенно идет на убыль стремление к единству южных славян. Для мусульман все это означает рост идентификации с Турцией, которую их бывший (до 2012 г.) верховный муфтий Мустафа Церич назвал матерью боснийских мусульман, а сами они, по его словам, благодаря принятию ислама стали турками по идентичности. Например, в 2008 г., во время футбольного матча Хорватии и Турции, значительная часть боснийских мусульман болела за Турцию, а молодежь с турецкими флагами на улицах боснийских городов кричала: «Это Турция!»; при этом, по некоторым сведениям, массовых акций в поддержку Хорватии вообще не было. Многие мусульмане в Югославии отмечали и некоторые христианские праздники, прежде всего Рождество и дни памяти некоторых христианских святых, но в настоящее время это встречается гораздо реже (Мартынова 2014).

В то же время в Македонии, в отличие от сегодняшней ситуации, в начале XX в. было очень много болгар. По словам болгарского историка и фольклориста Косты Цырнушанова из г. Прилеп

(1903–1996 гг.), когда он в 1920-х гг. вместе с другими студентами со всей Македонии учился в университете г. Скопье, все они четко определяли себя как болгары по национальности и восприняли эту болгарскую самоидентификацию с молоком матери. Но, поскольку болгарское имя было под запретом, в общении с сербами они были вынуждены называть себя «македонцы» (не в национальном смысле, а только в смысле региональной принадлежности), только чтобы не называть себя сербами, чего они не хотели; это понимали и контактировавшие с ними сербы. Название «македонец» в национальном смысле, говорит К. Църнушанов, позднее ввели македонские коммунисты, которые убедили местную молодежь, что Болгария – их главный враг (Църнушанов 1996). М. Кусев, тоже родом из Прилепа, упоминал о болгарском национальном чувстве всех его горожан и жителей окрестных территорий и в XIX в., а также говорил об очень сильных болгарских национальных чувствах жителей македонского города Дебар и прилегающих к нему крупных деревень. Они непрерывно сохраняли традиционное болгарское знамя, давали молодежи религиозное воспитание на самом высоком уровне в болгарских землях и даже смогли культурно и религиозно ассимилировать часть местных албанцев. Жители Дебара во множестве селились в Софии и других собственно болгарских городах и занимались там ремеслами и искусством (Кусев 1913). Жители Македонии начала XXI в. воспринимают естественным уже македонское национальное самосознание, причем они гораздо больше любят сербскую культуру, чем болгарскую. По словам В. Канзурова, современные македонцы хотя и верят, что являются самостоятельным народом и потомками Александра Македонского, но все-таки в своем большинстве слушают главным образом сербские песни, читают сербскую прессу гораздо чаще, чем даже македонскую, активно болеют за сербские спортивные команды, а вот к Болгарии и болгарам многие под влиянием пропаганды испытывают весьма негативные чувства. Каждый год появляется множество статей, использующих язык ненависти в отношении болгар. По мнению П. Добрева, македонцы в культурном плане сегодня уже ничем не отличаются от сербов, а болгарское прошлое Македонии они полностью забыли (Добрев 2007).

Что касается Хорватии, то в Далмации еще в конце XIX – начале XX в. заметную часть населения составляли люди, не относив-

шие себя к определенной национальности, а в некоторых далматинских городах (прежде всего Дубровнике) – и сербы-католики. Однако в первой половине XX в. они под влиянием миссионеров католической церкви и религиозных деятелей-хорватов приняли хорватскую национальную идентичность, поскольку, по представлениям членов католических организаций, каждый католик Хорватии обязательно должен быть хорватом по национальности. Организатор молодежного движения хорватов-католиков Бонифаций Перович писал, что в школах Дубровника в 1920-х гг. подавляющее большинство учеников ощущали себя не хорватами, а югославами, но в начале 1930-х гг. благодаря деятельности его католической организации значительная часть городских учеников прочно восприняла хорватскую идентичность как естественную для себя. Сходным образом действовали и другие католические общества (Мишина 2003). Значит, не только усвоенная новая религия или длительное существование на отдельной территории, но и целенаправленная политика в течение нескольких десятилетий может изменить национальную идентичность (как произошло с македонскими болгарскими, где ключевую роль сыграла сербская оккупация этой исторически болгарской земли).

Можно долго спорить о том, какова была национальная идентичность тех или иных народов в прошлом, о том, является ли их язык одним или они говорят на разных языках, но все это далеко не так важно, как их демографическое благополучие в настоящем. Если народ себя не воспроизводит, если в нем рождается меньше человек, чем умирает (и выезжает за рубеж), то его долгосрочное социально-экономическое, культурное и политическое развитие оказывается под угрозой. Современные демографические тенденции рассмотренных народов являются исключительно тревожными не только на мировом фоне, но даже на фоне самых демографически неблагополучных регионов мира, за существенным исключением в виде косовских и македонских албанцев и боснийских мусульман Санджака, чье население продолжает достаточно быстро расти.

Особенно катастрофически сокращается число молодежи. Например, в Сербии из-за обвального падения рождаемости, которая до сих пор остается крайне низкой, число детей и молодежи 0–30 лет (около 90 % из них составляют сербы), снизилось всего за 20 лет, с 1991 до 2011 г., с 2964 до 2347 тыс. человек, или на 26 %.

Речь идет только о колоссальной естественной убыли без учета эмиграции, которая также весьма значительна. Очень быстро уменьшается численность населения Республики Сербской, где наблюдается самая низкая рождаемость в мире. Похожие процессы происходят и в Хорватии. В Черногории рост населения фактически остановился. Вообще именно в странах, где большинство населения – южные славяне, наблюдается самая худшая демографическая ситуация в мире (см.: Ходунов 2016). Даже у мусульман Боснии отмечается крайне низкая рождаемость, хотя ислам поощряет многодетность (это, кстати, свидетельствует о слабом влиянии роста религиозности на поведение людей в семейной жизни и доказывает ее поверхностный характер). В 2016 г. в Федерации Боснии и Герцеговины, где 70,4 % населения составляют мусульмане, общий коэффициент рождаемости был равен всего 8,9 ‰, а смертность была существенно выше – 9,6 ‰. Исключительно низок у них и суммарный коэффициент рождаемости – 1,3 ребенка на женщину (Federalni... 2017), в то время как для простого воспроизводства необходимо минимум 2,1 ребенка. Все эти процессы отражаются и на общем для данных народов сербохорватском языке. Он, с одной стороны, за XX в. существенно расширился географически¹⁰, но в демографическом плане в настоящее время число его носителей очень быстро сокращается, особенно в Сербии.

Для сравнения, в соседней Болгарии с 1985 г., когда началось сокращение ее населения, по 2011 г. число лиц 0–30 лет (среди них болгары составляют 78 %) резко сократилось с 3751 тыс. до 2333 тыс. человек, или на целых 38 %. Правда, на этом сокращении

¹⁰ За последние 100 лет сербохорватский язык в значительной части ассимилировал чакавский, оттеснив его далеко на периферию Хорватии (сам этот процесс начался еще в XVI в.), а также практически вытеснил кайкавский из столицы Хорватии, Загреба, где большинство населения составляют переселенцы с родным сербохорватским языком, а горожане молодого и среднего возраста, даже коренные жители, в основном перешли на сербохорватский, сохранив лишь некоторые кайкавские черты (см. об этом: Каровић 2006). Победа сербохорватского литературного языка над местными идиомами произошла и в юго-восточных районах Сербии, где до этого говорили на призренско-тимокском диалекте сербского, основной особенностью которого является наличие огромного количества болгарских лексических и грамматических заимствований. В настоящее время местная городская молодежь фактически перешла на литературный сербский с упрощенной грамматикой. В течение XX в. частично отказались от своего языка и перешли на сербский некоторые национальные меньшинства, в том числе заметная часть вlahов – потомков средневековых переселенцев-румын в Северо-Восточной Сербии (Републички... 2014). Помимо этого, сербохорватский оказал очень большое влияние на словенский и македонский языки.

отражается и очень интенсивная эмиграция, но основную роль сыграла все-таки именно естественная убыль населения, которая составила более 65 % демографических потерь всего болгарского населения с 1992 по 2011 г. (рассчитано по: Национален... 2012). Это беспрецедентно высокий темп, который превратился в прямую угрозу выживанию болгарской нации. Болгария вышла на первое место в мире по темпам естественной убыли населения (Ходунов 2016). В Македонии существенно сокращается доля македонцев, которые рожают меньше, а умирают чаще, чем остальные народы республики. Если среди всего населения македонцы по переписи 2002 г. составляют 64 % (Макстат 2005), то среди умерших в 2016 г. македонцев было 74 %, а среди рожденных – только 52 %. Сама численность македонского народа быстро снижается, поскольку число умерших у него в 1,3 раза больше, чем рожденных (Макстат 2017). Все страны региона затронуты очень интенсивной эмиграцией, особенно молодежи, что дополнительно ослабляет их демографический потенциал.

Все это ставит под угрозу само существование рассматриваемых народов в долгосрочной перспективе. Поэтому представляется необходимым, чтобы все эти народы осознали свою общую проблему – депопуляцию (которая к концу века может привести к сокращению их численности в несколько раз). Для решения или хотя бы снижения остроты проблемы нужны разработка и принятие эффективных мер, прежде всего по сокращению доли бедных и безработных, повышению потребности в детях и созданию благоприятных условий для рождения, воспитания и образования детей. Очевидно, что эти условия в настоящее время вследствие массовой бедности населения совершенно неадекватны. Необходимо также начать активно, постоянно и при помощи научных методов бороться с абортами, которые вносят определяющий вклад в депопуляцию и в ухудшение здоровья женщин региона (особенно большое количество абортотворения совершается в Сербии [Ходунов 2016]). С целью прекращения или хотя бы замедления темпов исчезновения своих народов (а значит, и языков) должны сотрудничать все южнославянские страны. Представляется необходимым, чтобы им была оказана и существенная финансовая помощь Запада в решении демографической проблемы. Ведь именно действия некоторых за-

падных стран в 1990-х гг. в значительной степени способствовали экономической и демографической деградации региона.

Далее, необходимо работать над улучшением межнациональных отношений в регионе. Следует проводить разъяснительную работу для сокращения так называемого языка ненависти по отношению к другим народам в социальных сетях, поскольку это явление приняло очень большие масштабы (см., например: Kosanović 2013). Представители разных народов, например ученые-историки и студенты университетов, должны открыто и уважительно обсуждать имеющиеся разногласия (в том числе исторические). В этом плане можно только приветствовать недавний (от 1 августа 2017 г.) договор о добрососедстве и сотрудничестве между Болгарией и Македонией, где в том числе говорится и о создании общей комиссии болгарских и македонских историков, которые будут обсуждать спорные моменты в истории двух стран, искать компромиссы и пути к исторической истине (Капитал 2017).

Снять острые противоречия и прекратить взаимные выпады необходимо в том числе между сербами и болгарами. Было бы очень хорошо, если бы сербы признали серьезной политической ошибкой оккупацию болгарской Македонии в 1912 г., необоснованность своих претензий на эту страну и тот факт, что македонский язык одинаков с болгарским, а не с сербским, а в Македонии с VII в. проживало болгарское большинство, которое было бы там и сейчас, если бы не антиболгарская политика в королевской и коммунистической Югославии. Имеет смысл и языковая политика по сближению близкородственных сербохорватского и болгарского языков, ознакомление сербов и других народов с болгарской культурой (и наоборот), регулярное общение и взаимные стажировки сербских и болгарских школьников и студентов.

Хорватским католическим клерикалам хорошо было бы направить усилия на борьбу с демографическим кризисом вместо распространения среди верующих агрессивного национализма, чтобы добиться сокращения числа аборт и повышения рождаемости. Служители других религий могли бы сделать то же самое, поскольку в современных условиях для ликвидации демографического кризиса следует использовать все ресурсы, в том числе и фактор религиозности (Архангельский и др. 2014).

В общем, основные усилия должны быть направлены на создание атмосферы сближения и взаимоуважения народов, говорящих на одном языке, как и вообще народов региона. В этом случае, если в будущем новые войны между ними и случатся, то демографический ущерб среди гражданских лиц будет минимальным. В условиях стремительной убыли населения необходимо повышать качество этого населения путем роста уровня образования, здравоохранения, улучшения качества воспитания, повышения общей культуры поведения, развития толерантности и взаимоуважения. Все это поможет в какой-то степени смягчить даже кажущиеся на сегодняшний день неразрешимыми противоречия и найти определенные компромиссы между народами региона, а значит, заметно снизит пока еще огромный конфликтный потенциал на Балканах.

Библиография

- Айрапетов О. Р. 1998. О причинах начертания сан-стефанских границ Болгарии. *Вестник Московского университета. Серия 8. История* 6: 84–95.
- Апостолски М. (Ред.) 1969. *Историја на македонскиот народ*. 1: *Од предисториското време до крајот на XVIII век*. Скопје: Институт за национална историја.
- Архангельский В. Н., Божевольнов Ю. В., Голдстоун Дж., Зверева Н. В., Зинькина Ю. В., Коротаяев А. В., Малков А. С., Рыбальченко С. И., Рязанцев С. В., Стек Ф., Халтурина Д. А., Шульгин С. Г., Юрьев Е. Л. 2014. *Через 10 лет будет поздно. Демографическая политика Российской Федерации: вызовы и сценарии*. М.: Ин-т научно-общественной экспертизы.
- БАН = Българската академия на науките. 1996. Становище на Института за български език при БАН за т. нар. македонски език. *Български език* 46(1): 1–3.
- Благојевић Н. 2017а. Морава памти, а ми? *Фонд стратешке културе*. URL: <http://www.fsksrб.ru/fond-strateske-kulture/autorski-tekstovi/morava-pamti-a-mi/>.
- Благојевић Н. 2017б. Закржљале расе. *Фонд стратешке културе*. URL: <http://www.fsksrб.ru/fond-strateske-kulture/autorski-tekstovi/zakrzljale-rase/>.
- Вавилонская Башня. 2017. Annotated Swadesh Wordlists for the Slavic Group (Indo-European Family). *Вавилонская Башня. Проект этимологической базы данных* 11.06. URL: <http://starling.rinet.ru/new100/slv.pdf>.

- Васељенска ТВ. 2014а.** Ватикан, Лондон, Хитлер, Павелић и Тито против Срба. *Васељенска ТВ* 23.10. URL: <http://www.vaseljenska.com/misljenja/vatikan-london-hitler-pavelic-tito-protiv-srba/>.
- Васељенска ТВ. 2014б.** Радовао сам се кад је Ђинђић убијен. *Васељенска ТВ* 13.11. URL: <http://www.vaseljenska.com/politika/radovao-sam-se-kad-je-djindjic-ubijen/>.
- Велимировић Н. 2001.** *Теодул; Српски народ као теодул*. Београд: ЕВРО.
- Вечерње Новости. 2014.** Зилкић: Верници захтевају да формирамо странку. *Вечерње Новости* 14.09. URL: <http://www.novosti.rs/вести/на-словна/друштво.395.html:510117-Зилкић-Верници-захтевају-да-форми-рамо-странку>.
- Вечерње Новости. 2016.** Muftija Numan: Otcepljenje Kosova nikom nije donelo dobro. *Вечерње Новости* 10.06. URL: <http://www.novosti.rs/вести/naslovna/politika/aktuelno.289.html:609445-Muftija-Numan-Otcepljenje-Kosova-nikom-nije-donelo-dobro>.
- Галияшевич Дж. 2012.** Роль подразделения «Эль-Моджахедин» в конфликте в Боснии и Герцеговине и причины его безнаказанности. *Международный трибунал по бывшей Югославии: Деятельность, результаты, эффективность* / Отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М.: Индрик. С. 93–108.
- Георгиев В. И. 1979.** *Български етимологичен речник*. Т. 2. София: Изд-во на Българската академия на науките.
- Гибианский Л. Я. 2011а.** Югославия в период Второй мировой войны. *Югославия в XX веке. Очерки политической истории* / Отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик.
- Гибианский Л. Я. 2011б.** По советскому образцу: первые годы коммунистического правления. *Югославия в XX веке. Очерки политической истории* / Отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик.
- Гойкович Р. 2013.** Попытка православного взгляда на македонский вопрос. *Русская народная линия*. URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/01/10/popytka_pravoslavnogo_vzglyada_na_makedonskij_vopros/.
- Гочев Я. 2010.** 24 май 1941 г. Охрид влиза окончателно в България. *Сите българи заедно*. URL: http://www.sitebulgarizaedno.com/index.php?option=com_content&view=article&id=313:24-1941-&catid=29:2010-04-24-09-14-13&Itemid=61.
- Григорович В. И. 1877.** *Очерк путешествия по европейской Турции*. 2-е изд. М.: Тип. Лаврова.
- Гуськова Е. Ю. 2000.** *История югославского кризиса (1990–2000)*. М.: Русское право/Русский Национальный Фонд.

- Гуськова Е. Ю. 2006.** *Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы.* Т. 1 (1878–1997 гг.). М.: Индрик.
- Гуськова Е. Ю. 2007.** Косовский узел. Зачем Европе несколько албанских государств? *Литературная газета* 26(6126).
- Гуськова Е. Ю. 2011.** Югославская федерация в 1960-е годы. Борьба двух тенденций. *Югославия в XX веке. Очерки политической истории* / Отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик.
- Дамјановић Р. 2017.** ФИРОМ. *Фонд стратешке културе.* URL: <http://www.fsksrb.ru/fond-strateske-kulture/autorski-tekstovi/firom/>.
- Диковић Б. 2013.** Эксклюзивно: разговор са Љиљаном Булатовић – српски генерал Младић – судбина заштитника Отаџбине. *СРБски ФБРепортер* 19.04. URL: <http://facebookreporter.org/2013/04/19/ексклюзивно-разговор-са-љиљаном-була/>.
- Димитријевић В. 2013.** Опет поводом Македоније; Извори о Македонији и Македонцима. *Борба за веру.* URL: <http://borbazaveru.info/content/view/5435/31/>.
- Добрев П. 2007.** Виктор Канзуров: Властта в Скопие не иска нищо българско, дори минерална вода. *E-vestnik.bg.* URL: <http://e-vestnik.bg/1117/%D0%B2%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80-%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B7%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%B2-%D0%B2%D0%BBd/>.
- Докучаева Н. А. 2016.** Роль интеллектуалов в становлении современной Черногории. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований* 1(2): 55–64.
- Донцов А. И., Стефаненко Т. Г., Уталиева Ж. Т. 1997.** Язык как фактор этнической идентичности. *Вопросы психологии* 4: 75–86.
- Дуличенко А. Д. 2005.** Малые славянские литературные языки (микроязыки). *Языки мира: Славянские языки* / Ред. А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик, Н. В. Рогова, Е. И. Якушкина, А. Ф. Журавлев, С. М. Толстая. М.: Academia. С. 595–615.
- Дуриданов И., Рачева М., Атанасов Тодоров Т. 1996.** *Български етимологичен речник.* Т. 5. София: Академично издателство Проф. Марин Дринов.
- Емагазин. 2017.** Талат Џафери ќе биде новиот претседател на Собранието? *Емагазин* 15.03. URL: <http://emagazin.mk/vesti/vest/32938?title=talat-dzaferi-nje-bide-noviot-pretседател-na-sobranieto%3F>.
- Зализняк А. А. 2012.** Об истории русского языка. *Элементы.* URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431649/Ob_istorii_russkogo_yazyka.

- Зотов Г. 2017.** Мертвый бог. Почему в экс-Югославии так любят покойного Иосипа Броза Тито. *Аргументы и факты* 28.02. URL: http://www.aif.ru/society/history/myortvyuy_bog_pochemu_v_eks-yugoslavii_tak_lyubyat_pokoynogo_iosipa_broz_tito.
- Иванишевич М. 2012.** Обманы Сребреницы. *Международный трибунал по бывшей Югославии: Деятельность, результаты, эффективность* / Отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М.: Индрик. С. 201–216.
- Ивић П. 1994.** Књижевни језик као инструмент културе и продукт историје народа. *Историја српске културе* / Ред. П. Ивић, С. Јовановић, О. Лакићевић, Р. Маринковић, А. Павловић, М. Протић, Ђ. Стојчић. Горњи Милановац: Дечије новине; Београд: Удружење издавача и књижара Југославије. С. 18–25.
- Искендеров П. А. 2012.** «Бомбардировки Югославии стали причиной гуманитарной катастрофы»: эксперт о заявлении генсека НАТО. *ИА Рех*. URL: <http://www.iarex.ru/news/24628.html>.
- Искендеров П. А. 2015.** Македонский пасьянс с краплеными картами. *Фонд стратегической культуры* 21.05. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2015/05/21/makedonskij-pasjans-s-kraplenymi-kartami-33456.html>.
- Јакшић Б. 2009.** Црни флор. *Нова српска политичка мисао* 5.10. URL: <http://www.nspm.rs/prenosimo/crni-flor/stampa.html>.
- Јевтовић Г. 2015.** Да ли је Слободан Милошевић издао Српску Крајину? *Фонд стратешке културе*. URL: <http://www.fsksr.rs/fond-strateske-kulture/autorski-tekstovi/da-li-je-slobodan-milosevic-izdao-srpsku-krajinu/>.
- Капитал. 2017.** България и Македония се сприятелиха. *Капитал* 1.08. URL: https://www.capital.bg/politika_i_ikonomika/bulgaria/2017/08/01/3017092_bulgariia_i_makedoniia_se_spriiateliha/.
- Кара-Мурза В. 2011.** Поимка Ратко Младича как отголосок гражданской войны в Югославии. *Радио Свобода* 27 мая. URL: <https://www.svoboda.org/a/24207307.html>.
- Коларов Г. 2015.** Республика Македония: болгарское прошлое и неясное будущее. *Рабкор* 29 апреля. URL: <http://rabkor.ru/columns/analysis/2015/04/29/macedonia/>.
- Коротаев А. В. 2003.** *Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции*. М.: Вост. лит-ра.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2004.** *Законы истории. Компактные макромодели эволюции Мир-Системы*. М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т/Центр цивилизационных и региональных исследований РАН/Ин-т прикладной математики РАН им. М. В. Келдыша.

- Коряков Ю. Б. 2017.** Проблема «язык или диалект» и попытка лексико-статистического подхода. *Вопросы языкознания* 6: 79–101.
- Косик В. И. 2014.** *Балканы: «Порвалась цепь великая...» (середина XIX – начало XXI вв.)*. М.: Ин-т славяноведения РАН.
- Костић Л. М. 1973.** *Осврт на попис народности у Југославији*. Минхен: Издање пишчево.
- Кречмер А. Г., Невекловский Г. 2005.** Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки). *Языки мира: Славянские языки* / Ред. колл.: А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик, Н. В. Рогова, Е. И. Якушкина, А. Ф. Журавлев, С. М. Толстая. М.: Academia. С. 139–197.
- Кубуровић М. 2015.** Подсећамо: На Косову и Метохији има 1350 црквених здања – на сваких 2,5 километра по неки белег наше прошлости! *Фонд стратешке културе*. URL: <http://www.fsksr.rs/fond-strateske-kulture/kosovo-i-metohija/podsecamo-na-kosovu-i-metohiji-ima-1350-crkv-venih-zdanja-na-svakih-25-kilometra-po-neki-beleg-nase-pro-slosti/>.
- Кулаковский П. А. 1894.** *Иллиризм: Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения*. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа.
- Култура. 2010.** Филип Димитров за фалстарта, носталгијата по миналото и половинчатите символи. *Култура* 9(2581). URL: <http://www.kultura.bg/bg/article/view/16738>.
- Курске В. С. 2011.** Язык как фактор сохранения этнической идентичности российских немцев (по результатам всероссийского опроса). *Социологические исследования* 3: 135–139.
- Кусев М. 1913.** *Македония въ своитѣ жители само сѣрби нѣма*. 2 изд. София: Гражданинѣ.
- Леонидов Р. 2015.** «Окупаторите» на Вардарска Македония влагат милиарди левове в нейното стопанство. *Животът днес*. URL: <http://www.jivotatdnes.bg/nachalo/news/ikonomika/okupatorite-na-vardarska-makedonija-vlagat-miliardi-levove-v-neynoto-stopanstvo>.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. 2009.** *Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)*. М.: Азбуковник.
- Майтинская К. Е. 1969.** *Местоимения в языках разных систем*. М.: Наука.
- Макстат = Државен завод за статистика на Република Македонија. 2005.** *Попис на населението, домаќинствата и становите во Република Македонија, 2002*. Скопје: Државен завод за статистика на Република Македонија.

- Макстат = Државен завод за статистика на Република Македонија. 2017.** *Природно движење на населението, 2016*. Скопје: Државен завод за статистика на Република Македонија.
- Мартынова М. Ю. 2014.** Боснийцы, бошняки, мусульмане: коллизии идентичностей. *Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность* / Отв. ред. Е. С. Узенёва. М.: Ин-т славяноведения РАН. С. 9–62.
- Маслов Ю. С. 2005.** *Болгарский язык* / Ред. А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик, Н. В. Рогова, Е. И. Якушкина, А. Ф. Журавлев, С. М. Толстая. М.: Academia. С. 69–101.
- Мишина А. И. 2003.** *Хорватские клерикалы в процессе создания югославянского государства в начале XX в.*: дис. ... канд. ист. наук. М.
- Морзавченков Г. А. 2015.** *Язык как фактор этнокультурной идентичности*: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород.
- Национален статистически институт. 2012.** *Преброяване на населението и жилищния фонд през 2011 година*. Т. 1. Население. Кн. 2. Демографски и социални характеристики. София: НСИ.
- Нова ТВ. 2017.** БПЦ прифати да биде мајка-црква на МПЦ. *Нова ТВ*. URL: <http://novatv.mk/bpts-prifati-da-bide-majka-tsrkva-na-mpts/>.
- Новините. 2016.** 25 години независима Македонија. *Новините*. URL: <http://www.novinite.bg/articles/121319/25-godini-nezavisima-Makedoniya>.
- Радев В. (Ред.) 1993.** *Научна експедиция в Македония и Поморавието 1916*. София: Военноиздателски комплекс «Св. Георги Победоносец»/Университетско издателство «Св. Климент Охридски».
- Радисављевић З. 2013.** Хрвати „пригрлили“ српски језик. *Политика* 09.01. URL: <http://www.politika.rs/scc/clanak/245497/Hrvati-prigrlili-srpski-jezik>.
- Ремић С. 2007.** Руси, браћа највећа. *Вечерње новости* 05.06. URL: <http://www.novosti.rs/вести/насловна/друштво.395.html:198916-Rusi-braca-najvesa>.
- Републички завод за статистику. 2014.** *Попис становништва, домаћинства и станова 2011. у Републици Србији. Етнокон-фесионални и језички мозаик Србије*. Београд: Републички завод за статистику.
- Саенко М. Н. 2013.** Реконструкција праславјанског списка Сводеша. *Вопросы языкового родства* 10: 139–148.
- Самарцић М. 2013.** Злочини над Муслиманима и Хрватима. *Погледи* 23.03. URL: <https://www.pogledi.rs/zlocini-nad-muslimani-i-hrvatima/>.

- Селищев А. М. 1979.** Македонская диалектология и сербские лингвисты. А. Белич и его последователи. *Чуждестранни учени за југозападните български говори* / Ред. К. Мирчев. София: Българската академия на науките. С. 161–229.
- Селищев А. М. 1981а.** *Очерки по македонской диалектологии*. София: Наука и искусство.
- Селищев А. М. 1981б.** *Полог и его болгарское население*. София: Наука и искусство.
- Сотировић В. 2009.** Босански језик, Бошњачка нација и држава Босна и Херцеговина. *Sve Vesti*. URL: <http://www.svevesti.com/a141945-босански-језик-бошњачка-нација-и-држава-босна-и-херцеговина>.
- Србин.инфо. 2013.** Ватикан, Хрвати и Хрватска: Чињенице које се не уче у српским школама. *Србин.инфо*. URL: <http://srbin.info/2013/12/23/vatikan-hrvati-i-hrvatska-cinjenice-koje-se-ne-uce-u/>.
- Станкович Б. (Ред.) 1998.** *Сербско-русский словарь*. М.: Русский язык; Нови-Сад: Будућност/Матица Српска.
- Старостин С. А. 2007.** Сравнительно-историческое языкознание и лексико-статистика. С. А. Старостин. *Труды по языкознанию* / Сост. Г. С. Старостин. М.: Языки славянских культур. С. 403–447.
- Струкова К. Л. 2004.** *Общественно-политическое развитие Македонии в 50–70-е гг. XX века*. М.: Ин-т славяноведения РАН.
- Сумская Е. Г., Хаванская Е. С. (Сост.) 2013.** *Новый болгарско-русский и русско-болгарский словарь*. М.: Дом Славянской книги.
- Сысоев П. В. 2010.** Лингвистический корпус, корпусная лингвистика и методика обучения иностранным языкам. *Иностранные языки в школе* 5: 12–21.
- Тоевски С. 2014.** „Карта на бугарските дијалекти“ – лингвистика или политика. *Deutsche Welle*. URL: <http://www.dw.com/mk/карта-на-бугарските-дијалекти-лингвистика-или-политика/a-18144553>.
- Толовски Д., Иллич-Свитыч В. М. (Сост.) 1963.** *Македонско-русский словарь*. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей.
- Толстой Н. И. 1997.** *Избранные труды*. Т. 1. *Славянская лексикология и семасиология*. М.: Языки русской культуры.
- Травин Д., Маргания О. 2004.** *Европейская модернизация*. Кн. 1. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica.
- Трајковски Т. 2013.** Бугарска пропаганда: Македонците имале исто потекло со „Бугарите“ (2 дел). *Македонска нација*. URL: <http://www>.

mn.mk/index.php/fotogalerija/aktuelno/video/komentari/8281-Bugarska-propaganda-Makedoncite-imale-isto-poteklo-so-Bugarite-2-del.

Третьякова М. Ч. 2017. *Военно-политический кризис в Республике Македонии в 2001 г.*: дис. ... канд. ист. наук. М.

Усикова Р. П. 2005. Македонский язык. *Языки мира: Славянские языки* / Ред. колл. А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик, Н. В. Рогова, Е. И. Якушкина, А. Ф. Журавлев, С. М. Толстая. М.: Academia. С. 102–138.

ФАМА. 2013. Стојанче Ангелов: Ова е понижување на целиот македонски народ. *ФАМА* 22.02. URL: <http://www.fama.mk/intervju/303-intervju/7770-intevju-stojance-angelov>.

Филимонова А. И. 2008. Спецоперация по ликвидации Сербской радикальной партии (I). *Русская линия*. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=153536>.

Филимонова А. И. 2010. Санджак: новые вызовы, угрозы и шантаж Сербии. *Фонд стратегической культуры*. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2010/08/31/sandzhak-novye-vyzovy-ugrozy-i-shantazh-serbii-55.html>.

Филимонова А. И. 2012. Балканы шаг за шагом идут к Великой Албании. *Переформат.ру* 20.03. URL: <http://pereformat.ru/2012/03/velikaya-albaniya/>.

Филимонова А. И. 2017. Аль-Каида в Албании и Косово: изменение сознания албанцев. *Русская народная линия*. URL: http://ruskline.ru/analitika/2017/06/23/al_kaida_v_albani_i_kosovo_izmenenie_soznaniya_albancev/.

Фомин А. Ю. 2011. *Глоттохронологическое исследование дивергенции таджикского, дари и персидского языков*. Душанбе: Изд-во РТСУ.

Ходунов А. С. 2016. Демографическая динамика Сербии, Черногории и Республики Сербской в конце XX – начале XXI в. Есть ли возможность остановить катастрофу? *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна в глобальном и региональном контексте* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 326–403.

Църнушанов К. 1991а. Сърбизиране на македонския казионен «литературен език» (Част първа). *Македонски преглед* 14(1): 52–83.

Църнушанов К. 1991б. Сърбизиране на македонския казионен «литературен език» (Част втора). *Македонски преглед* 14(2): 21–44.

Църнушанов К. 1992. *Големият български възрожденец митрополит Методий Кусев*. София: ВМРО-СМД.

- Църнушанов К. 1996.** Нова фалшификација за Македонија разгневи дори официални скопски печат. *Континент* 4(10).
- Шемякин А. Л. 2011.** Первая мировая война. Рождение Югославии. *Югославия в XX веке. Очерки политической истории* / Отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик.
- Энгельгардт Г. Н. 2015.** Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. *Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... канд. ист. наук.* М.
- Ямбаев М. Л. 2003.** Македонија в 1877–1912 г. В «*пороховом погребе Европы*». 1878–1914 / Отв. ред. В. Н. Виноградов, В. И. Косик, О. В. Соколовская. М.: Индрик. С. 297–321.
- Aleksić B. 2014.** SAD su neprijatelj Srbije. *Akademedia Srbija*. URL: http://www.akademiasrbija.com/index.php?option=com_content&view=article&id=8186:srbi-pamet-u-glavu-sad-su-neprijatelj-srbije-&catid=42:xfiles&Itemid=61.
- Alo.rs. 2016.** Eparhija tvrdi: Đukanović širi govor mržnje. *Alo.rs*. URL: <http://www.alo.rs/dukanovic-siri-govor-mrznje-prema-spc/52245>.
- Arsenić V. 2000.** Govorite li crnogorski. Rukopis politike. *Vreme* 478. URL: http://www.vreme.com/arhiva_html/478/18.html.
- Baltic N. 2007.** Theory and Practice of Human and Minority Rights under the Yugoslav Communist System. *EURAC Research*. URL: <http://www.eurac.edu/en/research/autonomies/minrig/Documents/Mirico/Report%20on%20the%20Theory%20and%20Practice%20of%20Human%20Rights%20and%20Minority%20Rights%20under%20the%20Yugoslav%20Communist%20System%20WEB.pdf>.
- Behram M. 2017.** Koordinirano dijeljenje BiH između Čovića i Dodika. *Radio Slobodna Evropa* 16.01. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/covic-bih-treci-enitet/28236228.html>.
- Bellamy A. 2003.** *The Formation of Croatian National Identity. A Centuries-old Dream?* Manchester: Manchester University Press.
- Blic. 2015.** Dodik: Referendum 2018. ako se RS ne vrate nadležnosti. *Blic* 25.04. URL: <https://www.blic.rs/vesti/republika-srpska/dodik-referendum-2018-ako-se-rs-ne-vrate-nadleznosti/bb7ecct>.
- Bošnjaci. 2015.** IGK zahtijeva primjenu presude ICJ protiv entiteta Republike Srpske za genocid! *Bošnjaci* 08.01. URL: <http://bosnjaci.agency/igk-zahtijeva-primjenu-presude-icj-protiv-entiteta-republike-srpske-za-genocid/>.
- Brodnjak V. 1991.** *Razlikovni rječnik srpskog i hrvatskog jezika*. Zagreb: Školske novine.

- B92. 2001.** Tribina o nacionalizmu. *B92*. URL: https://www.b92.net/info/vesti/index.php?yyyy=2001&mm=03&dd=23&nav_category=1&nav_id=23093.
- B92. 2004.** Patrijarh Pavle traži da se istraže događaji u Makedoniji. *B92*. 6.04.2004. URL: https://www.b92.net/info/vesti/index.php?yyyy=2004&mm=04&dd=06&nav_category=12&nav_id=137518.
- Cani B. 2013.** Majorities in Kosovo, Serbia Support New Deal. *Deutsche Welle* 20.04. URL: <http://www.dw.com/en/majorities-in-kosovo-serbia-support-new-deal/a-16759798>.
- Carnegie Endowment for International Peace. 1914.** *Report of the International Commission to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars*. Washington: Carnegie Endowment.
- Čorbić I., Branković M. 2016.** Ispovest novog muftije: Roden sam kao Ivan Trifunović i sestrić sam Ružice Sokić! *Kurir* 31.05. URL: <http://www.kurir.rs/vesti/drustvo/2287415/novi-muftija-je-srbin-roden-je-kao-ivan-i-vatreni-je-navijac-zvezde>.
- Demographic Research Center. 1974.** *The Population of Yugoslavia*. Belgrade.
- Dijanović D. 2012.** Ante Starčević – otac hrvatskog nacionalizma (1/2). *Portal Hrvatskoga kulturnoga vijeća* 13.03. URL: <https://www.hkv.hr/izdvojeno/komentari/d-dijanovi/10931-ante-starevi-otac-hrvatskog-nacionalizma.html>.
- Dragović R. 2013.** Prave armiju za veliku Albaniju. *Вечерње Новосту* 05.06. URL: <http://www.novosti.rs/vesti/naslovna/drustvo/aktuelno.290.html:442530-Prave-armiju-za-veliku-Albaniju>.
- Federalni zavod za statistiku. 2017.** *Statistički godišnjak/ljetopis Federacije Bosne i Hercegovine 2017*. Sarajevo: Federalni zavod za statistiku.
- Fehratović J. 2013.** Vrijeme je za Bosanski jezik. *Sandžakpress* 07.02. URL: <http://sandzakpress.net/vrijeme-je-za-bosanski-jezik/comment-page-1>.
- Fehratović J. 2017.** Savremeni pristup drevnoj historiji (Muamer Zukorlić: Drevna Bosna). *Sandžačka književnost*. URL: <http://sandzackaknjizevnost.com/jahja-fehratovic-savremeni-pristup-drevnoj-historiji-muamer-zukorlic-drevna-bosna/>.
- Fodor I. 1961.** The Validity of Glottochronology on the Basis of the Slavonic Languages. *Studia Slavica* 7: 293–346. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Galijašević Dž. 2016.** DŽEVAD GALIJAŠEVIĆ OTKRIVA: Zašto je Bakir Izetbegović konačno otpisan- Bošnjake čekaju teški dani i mučno otrežnjenje... *Web-tribune.com*. URL: http://web-tribune.com/tema_dana/dzevad-galijasevic-otkriva-zasto-je-bakir-izetbegovic-konacno-otpisan-bosnjake-cekaju-teski-dani-i-mucno-otreznjenje.

- Gallup Balkan Monitor. 2010.** Focus on Kosovo's Independence. *Gallup Balkan Monitor*. URL: http://www.balkan-monitor.eu/files/BalkanMonitor-2010_Summary_of_Findings.pdf.
- Gallup News. 2017.** Many in Balkans Still See More Harm From Yugoslavia Breakup. *Gallup News* May 18. URL: <http://news.gallup.com/poll/210866/balkans-harm-yugoslavia-breakup.aspx>.
- Galović M. 2013.** Košare, mesto gde srpsku vojsku nisu pobedili NATO, Vojska Albanije i OVK. *Intermagazin* 26.03. URL: <http://www.intermagazin.rs/kosare-mesto-gde-srpsku-vojsku-nisu-uspeli-da-pobede-nato-avijacija-vojska-albanije-i-ovk-zajedno/>.
- Геополитика.ru. 2017.** Елена Гуськова о приговоре Младичу: «Сербы всегда были с нами на стороне справедливости». *Геополитика.ru* 22.11. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/elena-guskova-o-prigovore-mladichu-serby-vsegda-byli-s-nami-na-storone-spravedlivosti>.
- Hajdari U. 2015.** Former Kosovo Fighters Salute Men Killed in Kumanovo. *Balkan Insight* May 26. URL: <http://www.balkaninsight.com/en/article/former-kosovo-guerilla-honor-those-killed-in-kumanovo>.
- Helsinki odbor za ljudska prava. 2004.** *Izbeglice – žrtve etničkog inženjeringa*. Beograd: Zagorac.
- Human Rights Watch 2004.** *Failure to Protect: Anti-Minority Violence in Kosovo, March 2004*. Human Rights Watch. July. Vol. 16. No. 6.
- Ilić A. 2017.** Religijska (ne)ravnopravnost u Srbiji. *Bilten*. URL: <http://www.bilten.org/?p=18832>.
- Potić M. 2016.** Povjesničar Klasić kaže da su pisma biskupa Košiča o Mostu samo vrh ledenog brijega onog što Crkva radi. *Telegram* 05.01. URL: <http://www.telegram.hr/politika-kriminal/nema-dokaza-da-je-alojzije-stepinac-mucen-a-to-treba-da-bi-bio-svet/>.
- Intermagazin. 2013.** Hrvatski nacionalisti uspeli su dva puta u 20. veku da okrenu bosanske muslimane protiv Srba. *Intermagazin* 14.09. URL: <http://www.intermagazin.rs/hrvatski-nacionalisti-uspeli-su-dva-puta-u-20-veku-da-okrenu-bosanske-muslimane-protiv-srba/>.
- Jevtić M. 2013.** Kosovo je Turska, Turska je Kosovo. *Politika* 07.11. URL: <http://www.politika.rs/sr/clanak/275125/Sta-da-se-radi/Kosovo-je-Turska-Turska-je-Kosovo>.
- Josipović D. 2015.** Slovenia and the Census: From the 20. Century Yugoslav Counts to the Register-based Census of 2011. *Contemporary Southeastern Europe* 2(2): 159–175.
- Karović M. 2006.** Najnovije jezične promjene u zagrebačkom govoru. *Matica hrvatska*. 4.08. URL: <http://www.matica.hr/kolo/301/najnovije-jezicne-promjene-u-zagrebackom-govoru-20382/>.

- Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V. 2010.** The Swadesh Wordlist. An Attempt at Semantic Specification. *Journal of Language Relationship* 4: 46–89.
- Klix. 2011.** Jahić: Autentični bosanski govor je historijska činjenica. *Klix* 13.11. URL: <https://www.klix.ba/vijesti/bih/jahic-autenticni-bosanski-govor-je-historijska-cinjenica/111113029#komentari>.
- Kordić S. 2010.** *Jezik i nacionalizam*. Zagreb: Durieux.
- Kostić L. M. 1964.** *Krađa srpskog jezika. Kulturno-istorijska studija*. Baden: Izdanje pišćevo.
- Kosanović S. 2013.** Fahrudin Kladičani: Ekstremisti mlade regrutuju u sajber-spejsu. *Новосту* 28.10. URL: <http://arhiva.portalnovosti.com/2013/10/fahrudin-kladnicanin-ekstremisti-mlade-regrutuju-u-sajber-spejsu/>.
- Kurir 2013.** Šešelj: Srbi-pravoslavci, Srbi-katolici i Srbi-muslimani! *Kurir* 10.06. URL: <http://www.kurir.rs/crna-hronika/834159/seselj-srbi-pravoslavci-srbi-katolici-i-srbi-muslimani>.
- Miloslavjević M. 2008.** Crnogorski jezik ne postoji. *Глас јавности* 13.06. URL: <http://www.glas-javnosti.rs/clanak/glas-javnosti-13-06-2008/crnogorski-jezik-ne-postoji>.
- N1 BIH. 2015.** Istraživanje: Treba li ukinuti Republiku Srpsku? *N1 BIH*. URL: <http://ba.n1info.com/a71442/Vijesti/Vijesti/Istrazivanje-Treba-li-ukinuti-Republiku-Srpsku.html>.
- News Front = Новостной Фронт. 2016.** Предотвратить вступление Черногории в НАТО может лишь оппозиция. *News Front* 16.10. URL: <http://news-front.info/2016/10/16/predotvratit-vstuplenie-chernogorii-v-nato-mozhet-lish-oppoziciya/>.
- Novák T. 2014.** *Economic Perspectives of the Western Balkans – Back to the Past*. Budapest.
- Working Paper 211.** Budapest: Centre for Economic and Regional Studies, Hungarian Academy of Sciences, Institute of World Economics.
- Petković J. L. 2016.** Zukorlić vodi prosvetu. *Vesti online* 25.06. URL: <http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/581235/Zukorlic-vodi-prosvetu>.
- Petrović J. D. 2016.** Halilović za N1: Rat provociraju oni koji traže referendum. *N1* 20.09. URL: <http://rs.n1info.com/a195004/Vesti/Vesti/Halilovic-za-N1-Rat-provociraju-oni-sto-traze-na-referendum.html>.
- Petričević A. 2009.** Etno-Mobilisation and its Consequences in Croatia. *South-Eastern Europe* 34: 1–23.
- Pilsel D. 2017.** Bilo bi vrijeme da se Crkva distancira od ustaša i NDH. *Auto-ograf.hr* 15.05. URL: <http://www.auto-ograf.hr/bilo-bi-vrijeme-da-se-crkva-distancira-od-ustasa-i-ndh/>.

- Pobjeda. 2014.** Matica Crnogorska: Crnogorskim jezikom govori 41,1 odsto građana, a srpskim 39,1. *Pobjeda* 03.07. URL: <http://www.pobjeda.me/2014/07/03/matica-crnogorska-crnogorskim-jezikom-govori-411-odsto-gra-dana-srpskim-391/#.VEJb2X3LfK5>.
- Portal Hrvatskoga kulturnoga vijeća. 2009.** Akademik Stjepan Babić: Hrvatski književni jezik njim samim. *Portal Hrvatskoga kulturnoga vijeća* 14.05. URL: <https://www.hkv.hr/izdvojeno/tribine/kultura/4524-akademik-stjepan-babi-hrvatski-knjievni-jezik-njim-samim.html>.
- Portal Hrvatskoga kulturnoga vijeća. 2011.** Srbijanska politika krenula je s planskom kroatizacijom srpskoga jezika. *Portal Hrvatskoga kulturnoga vijeća* 21.02. URL: <https://www.hkv.hr/izdvojeno/vai-prilozi/ostalo/prilozi-graana/7780-srbijanska-politika-krenula-je-s-planskom-kroatizacijom-srpskoga-jezika.html>.
- Pozzi H. 1994 [1935].** *Black Hand over Europe*. Zagreb: Croatian Information Centre.
- Pravda.ru. 2014.** Почему Крым – не Косово? *Pravda.ru*. URL: <https://www.pravda.ru/video/politics/14197.html>.
- Puhalo S. 2009.** *Etnička distanca i (auto)stereotipi građana Bosne i Hercegovine*. Sarajevo: Friedrich Ebert Stiftung.
- Puhalo S. 2015.** Ko je i koliko rušio vjerske objekte u Bosni i Hercegovini? *Фронтал*. URL: <http://www.frontal.ba/blogovi/blog/60507/ko-je-i-koliko-rusio-vjerske-objekte-u-bosni-i-hercegovini>.
- Radio-Televizija Srbije. 2008.** Muslimani u Beogradu traže svoja groblja. *Radio-Televizija Srbije*. URL: <http://www.rts.rs/page/stories/sr/story/125/drustvo/26578/muslimani-u-beogradu-traze-svoje-groblje.html>.
- Radivojević B., Penev G. 2014.** Demographic Losses in Serbia in the First World War and their Long-Term Consequences. *Economic Annals* 59/203: 29–54. Belgrade.
- Rebac H. M. 1925.** Srbi muslimanske vere u Bosni i Hercegovini (politička prošlost). *Letopis Matice srpske* 306.
- Republika. 2011.** Ante Kovačević govori kako je pala Posavina. *Republika* 06.05. URL: <http://www.republikainfo.com/vijesti/842-ante-kovacevic-govori-kako-je-pala-posavina.html>.
- RTV Slon. 2013.** Istraživanje u BiH: Srbi za nezavisnost, Bošnjaci za centraliziranu BiH, Hrvati žele treći entitet. *RTV Slon*. URL: <https://www.rtvslon.ba/istraivanje-u-bih-srbi-za-nezavisnost-bonjaci-za-centraliziranu-bih-hrvati-ele-trei-entitet/>.
- Skoko B. 2010.** *Hrvatska i susjedi – Kako Hrvatsku doživljavaju u Bosni i Hercegovini, Crnoj Gori, Makedoniji, Sloveniji i Srbiji*. Zagreb: AGM/Novelti millennium.

- Skoko B. 2011.** *Što Hrvati, Bošnjaci i Srbi misle jedni o drugima, a što o Bosni i Hercegovini*. Sarajevo: Friedrich Ebert Stiftung.
- Šarac D. 2015.** Kajkavski proglašen jezikom, čakavica pred nestajanjem. *Slobodna Dalmacija* 09.03. URL: <http://www.slobodnadalmacija.hr/scena/kultura/clanak/id/266247/kajkavski-proglasen-jezikom-cakavica-pred-nestajanjem>.
- Štrbac S. 2014.** Srpske žrtve rata i poraća na području Hrvatske i bivše RSK 1990. – 1998. godine. *Dokumentaciono informacioni centar Veritas*. 20.02.2014. URL: <http://www.veritas.org.rs/srpske-zrtve-rata-i-poraca-na-podrucju-hrvatske-i-bivse-rsk-1990-1998-godine/#fn-9071-6>.
- Telegraf. 2013.** Muslimani, a četnici: Borili se s Dražom za kralja, nikad s Titom! *Telegraf*. URL: <http://www.telegraf.rs/vesti/813374-muslimani-a-cetnici-borili-se-s-drazom-za-kralja-nikad-s-titom-foto>.
- UNODC = United Nations Office on Drugs and Crime. 2008.** *Crime and its Impact on the Balkans and Affected Countries*. Vienna: United Nations Publications.
- Vijesti.ba. 2015.** Predstavljen Rječnik bosanskog jezika Dževada Jahića. *Vijesti.ba*. URL: <http://vijesti.ba/clanak/281995/predstavljen-rjecnik-bosanskog-jezika-dzevada-jahica>.
- Vreme. 2016.** Izborni rezultat 2016. *Vreme*. URL: <http://www.vreme.com/cms/view.php?id=1389527#100>.
- YouTube. 2013a.** Владан Глишић на ТВ Копеникус: «Истина о...». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KkcOLxICDvY&t=265s>.
- YouTube. 2013b.** Mladen Obradović i Ivan Ivanović TVAVAX «Otvoreno o svemu» 03.01 flv. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=s1qS1Xi6q9U>.
- Zubanović S. 2015.** Ili nemao ili ne znao. *Saff* 31.08. URL: <http://saff.ba/ili-nema-ili-ne-znao/>.
- Zwierzchowski J., Tabeau E. 2010.** *The 1992–95 War in Bosnia and Herzegovina: Census-based Multiple System Estimation of Causalities' Undercount*. Berlin.